

Главы из книги
Майорова Н.С. «Государственно-церковные отношения в 1917–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья)». – Кострома: КГУ им Н.А. Некрасова, 2006.

Глава 1. 1917 г. и изменение положения и статуса Русской православной церкви

Русская православная церковь (РПЦ) в начале XX в. сохраняла устойчивые позиции официальной церкви. Православие имело статус государственной религии, что определяло ее особое преимущественное положение в стране, где свобода совести и вероисповедания только намечалась в программе будущих преобразований.

В церковно-административном плане РПЦ делилась на округа – епархии, в числе которых епархии Верхнего Поволжья – Владимирская, Костромская и Ярославская – занимали особое место. Остановимся вначале на общей их характеристике. Большинство четырехмиллионного населения региона (98 % и более) традиционно исповедовало православие. В лесных заволжских районах жили раскольники различных толков. Общая численность раскольников и сектантов составляла около 0,7 % населения (28 500 человек)¹. По оценке деятелей Ивановского губернского союза безбожников А. Головкина и М. Попова, сектантский лагерь на 95 % состоял из старообрядцев, в основном поповцев, беспоповцев, «австрийцев». Остальные 5 % были представлены сектами баптистов, евангелистов и адвентистов, распространенных преимущественно в Вязниковском, Гороховецком и Меленковском уездах Владимирской губернии и глубинных, отдаленных районах Костромской губернии. В Юрьевецком уезде с XVII в. действовала секта хлыстов, или христов, но число ее последователей было невелико – около 200 человек. Еще меньшей была численность сосредоточенных в массе своей около Костромы скопцов, или белых голубей. После 1907 г. появились иоанниты (Меленковский уезд). Продолжали действовать толстовцы и трезвенники. Следует принимать во внимание неточность некоторых статистических сведений, приводимых авторами, возможно не имевшими всех

необходимых материалов. Так, по данным энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, общее число старообрядцев и уклоняющихся от православия только по Ярославской и Костромской губерниям к концу XIX в. составляло 34 824 человека².

Позиции Русской православной церкви были весьма устойчивы. Земельная собственность церкви по России насчитывала 2 671 198 десятин, в том числе свыше 190 тыс. десятин в верхневолжских епархиях. Заслуженной славой пользовались многочисленные монастыри, целый ряд которых был основан в XIII–XIV вв. учениками Сергия Радонежского. К началу 1915 г. в епархиях Верхнего Поволжья действовал 61 монастырь с 3 932 монахами и монахинями³. Советские исследователи, основываясь на использовании обширных материалов и разнохарактерных источников, внесли некоторые коррективы в монастырскую статистику. По данным В.Ф. Зыбковца⁴, к 1917 г. во Владимирской (включала Суздальскую и Переяславскую епархии), Ярославской и Костромской губерниях насчитывалось 98 монастырей с 1 534 монашествующими и 6 520 послушниками. Монастыри располагали 55 668 десятинами земли. Наиболее крупными из них в Костромской губернии были Ипатьевский – родовая вотчина бояр Годуновых; Авраамиев Городецкий Покровский, Макариевский Унженский, Железоборовский Предтеченский, Богоявленский женский монастыри; в Ярославской губернии – Толгский мужской и Казанский женский, Ростовский Петровский, Переяславский Никитский мужской и Федоровский женский, Боголюбов и Николаевский Гороховецкий монастыри; во Владимирской губернии – Флорищева Успенская и Лукианова пустыни, Суздальский Покровский женский и Спасо-Ефимьевский монастыри (на территории последнего находились мощи и могилы князя Д. М. Пожарского, князей Суздальских, Шуйских, Скопиных, Бельских, Хованских и др.). Монастыри располагали внушительными подворьями, различными предприятиями (маслобойни, мельницы и др.), 12 свечными заводами, 78 пивоварнями, лабазами. Подтвержденные и зафиксированные многочисленные факты чудотворения и исцеления у мощей

святых угодников усиливали глубину веры преобладавшего в регионе крестьянского населения. Из 4 072 439 общего числа жителей региона около 89,54%, т. е. 3 646 379 человек, составляли сельские жители⁵. Поэтому и преобладающая часть храмов располагалась не в городах, а именно в сельской местности.

Сопоставим отдельные показатели по Костромской, Владимирской и Ярославской епархиям (см. прил. 1).

Костромская губерния по размерам территории превосходила соседствующие с ней губернии, но по плотности населения была заселена менее густо. Из 3 325 церквей 1 православный храм приходился в среднем на 988 жителей Ярославской, 1 318 жителей Владимирской, 1 365 жителей Костромской губерний. При учете только православного населения показатели меняются: по Ярославской губернии – 1 храм на 973 человек, по Костромской – на 1 326 человек.

Процент церковной и монастырской земельной собственности по отношению к общей площади губерний по региону составлял 1,23 %; по губерниям: Владимирская – 1,41 %, Костромская – 1,13 %, Ярославская – 1,22 %.

Численность образовательных учебных заведений духовного ведомства, за исключением только церковно-приходских школ, равная. Верхневолжские губернии относились к группе губерний, в которых действовало по одной духовной семинарии. Внушительные, на первый взгляд, показатели числа учебных заведений духовного ведомства (829, из них церковно-приходских школ – 810) отнюдь не свидетельствовали о всеобщей грамотности населения и преимуществе церковно-приходских школ (ЦПШ) над земскими. В среднем по региону одна школа приходилась на 5 028 человек, но значительно превышающее соседние губернии число ЦПШ в Ярославской губернии снижало планку до 2 506 человек. В то же время данные по двум другим губерниям возрастали: Владимирская – на 6 088 человек и Костромская – на 11 526 жителей.

Специфика Костромской губернии состояла в большей, чем в регионе, доле старообрядческого населения (соответственно 0,7 % и 1,8 %). Среднее число православных на один приход составляло 1 638 человек. Приводимые сведения отнюдь не отличаются полнотой, в них не нашли отражения некоторые весьма важные критерии, в частности конфессиональный состав населения Владимирской губернии. В Костромской губернии, несмотря на более значительные, чем во Владимирской и Ярославской губерниях, размеры церковной и монастырской земельной собственности (87 941 десятин), в соотношении с территорией губернии показатель меньший – 1,13 % против 1,41 % во Владимирской и 1,21 % в Ярославской губерниях.

В Ярославской губернии показатели численности исповедовавших католицизм и протестантизм выше, чем в целом по региону. Выше и показатели количества учащихся в учебных заведениях духовного ведомства – 18 848 человек против 11 820 и 18 606 человек в Костромской и Владимирской губерниях.

По утверждению активистов безбожного движения, на 1 января 1915 г. в трех верхневолжских губерниях насчитывалось 3 268 храмов с 13 072 служителями культа в них, 4 римско-католических костела, 5 синагог и 5 мечетей. В епархиях действовали духовные семинарии, занимавшиеся подготовкой священнослужительских кадров. Издавались газеты «Владимирские епархиальные ведомости», «Костромские епархиальные ведомости», «Ярославские епархиальные ведомости».

Процессы, проходившие внутри церковного организма в конце XIX – начале XX в., характеризовались усилением консервативных тенденций, выразителями которых были высшие иерархи и члены Святейшего синода. Носителем более либеральных идей выступало городское и сельское духовенство, непосредственно находившееся в гуще народной жизни и непонаслышке знавшее все беды и нужды крестьянского населения. К тому же материальное благополучие самих священнослужителей оставляло желать лучшего: большинство имело доходы, равноценные доходам пасомых.

Консерватизм русской церкви проявлялся в минимальном, практически сведенном на нет участии мирян в управлении приходами, особом статусе архиереев и в административно-полицейских функциях рядовых служителей культа. Так, составлялись и передавались местным властям списки раскольников и нарушивших требование обязательной ежегодной исповеди, сведения о несоблюдении постов и выявленных неблагонадежных, открывших духовному лицу на исповеди противоправные намерения, злостные помыслы и дела. Духовенство, как отмечали многие общественные и политические деятели конца XIX – начала XX в., не пользовалось уважением и любовью как сословие в целом. Причины этого явления коренились в далеко не идеальной жизни и кастовости священников, расхождении оценок деятельности церкви ею самой и интеллигенцией, а также не заслуживавших одобрения простого народа действий против раскольников. На государственную церковь ее противники могли возлагать ответственность за репрессивную политику самодержавия и чинимые им социальные несправедливости.

Начало века было отмечено пробуждением и увеличением интереса к религии в среде литературно-художественной и научной интеллигенции, давшей новые импульсы процессам обновления православной церкви. Религиозно-философские собрания З. Гиппиус и Д. Мережковского, «Христианское братство борьбы», куда входили В. П. Свенцицкий, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, Н. А. Бердяев и другие, «Союз христианской политики» С. Н. Булгакова заявляли об узости для интеллигенции рамок традиционного богословия. На совместных встречах представители духовенства и интеллигенции обсуждали взаимоотношения церкви, культуры и общества, их нынешнее состояние и перспективы развития. Высказывалась идея обновления церкви, очищения ее от подделок и построения на земле Царства Божия. Интеллигенция упрекала РПЦ в тесной связи с самодержавием, реакционности, утрате социального идеала, отсутствии свободы совести, прав выхода из православия и перехода в другую конфессию, ограничении человеческой личности, ее творческого потенциала

и свободы⁶. Подобного рода диалоги и споры не встретили поддержки со стороны высших иерархов православной церкви, обеспокоенных ростом демократических и антимонархических настроений в среде низшего духовенства. Но охранительные меры епископата не могли ни сдержать рост либерального духа в среде священнослужителей, ни приуменьшить интерес интеллигенции к внутрицерковным проблемам. На стыке этих интересов возник феномен отечественной культуры – русская религиозная философия.

Учение о всеединстве, софиология, рассуждения о личности и «Богочеловечестве» – эти составные части русской религиозной философии служили признанием возможности человека стать Богом, воспринять Божество и пройти путь от зверочеловечества к Богочеловечеству, прежде всего благодаря качествам человеческой личности, ее творческому потенциалу и способности к поступку. Религиозная философия не вступала в противоречие с православной догматикой, она лишь наполняла ее иным смыслом, за что подвергалась резкой критике консервативных церковных авторов.

«Русский религиозный ренессанс» способствовал притоку в церковь интеллектуальной элиты. Публичные лекции и выступления, книги С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского пользовались шумным успехом, носившим массовый характер. В немалой степени служили они и установлению более глубокой религиозной заинтересованности интеллигенции, тем более что авторы были детьми своего времени и прошли, как и многие их современники, через увлечение марксизмом, участие в политической борьбе и разочарование в собственных идеалах⁷. Утрата же идеалов низшим и средним духовенством, призванным стать выразителем народных чаяний, послужила росту радикальных настроений в среде священнослужителей и увеличению их числа в буржуазных, либерально-демократических, эсеровской и социал-демократической партиях.

Увеличение потока интеллигенции, возвращающейся в церковь, и отход от религии «затуманенного» той же интеллигенцией простого народа,

уходящего в поисках земного рая к сектантам и разного рода «пророкам», настораживал и духовенство, и мыслящих представителей передовой части общества, которое предпочитало «учиться религии у своих людей». В России в кратчайшие сроки требовал своего разрешения вопрос о свободе совести и статусе православной церкви, сохранении или утрате главенства православия в многонациональной и, как следствие этого, многоконфессиональной стране. Немаловажен был также и вопрос о выходе образования из-под контроля духовной власти и становлении светской школы. Постановка этих вопросов отражала глубину кризиса и утрату церковью влияния на общество.

Царское правительство, несмотря на многочисленные обещания и заверения созвать Поместный собор для решения внутрицерковных проблем, никаких конкретных шагов в этом направлении не предпринимало. Но, формально не отказываясь от преобразований, оно способствовало укреплению надежд и росту ожиданий среди духовенства. Самодержавие устраивала та ситуация, при которой православная церковь состояла на государственной службе и, будучи по сути своей «министерством вероисповеданий», выполняла функцию воспитания народных масс в духе официальной идеологии и обещала кары земные и небесные каждому, кто выйдет за установленные рамки. «Религия как составная часть традиционной политической культуры... – писал Г. Л. Фриз, – являлась существенным фактором в политических дискуссиях и государственной политике... В начале XX в. значение религиозного фактора возросло не потому, что народ стал набожнее, а потому, что царский режим лишился других традиционных основ легитимности... военной и политической мощи государства, его способности обеспечить благосостояние населения, а также восприятия в народном сознании образа царя как “вождя” своего народа»⁸. Тягостная опека государственной власти делала церковную организацию мало приспособленной к житейской борьбе, атрофировала самодеятельность церковного общества. Упавший моральный авторитет церковной власти подпитывал антимонархические настроения внутри церкви.

Признаки нараставшего кризиса были налицо: «...самодержавным режимом и бюрократической опекой церковь насильственно обращена была в один из органов правительства, была низведена на положение приказной рабы, вынужденной своим авторитетом поощрять и благословлять произвол, насилие и даже смертную казнь»⁹. Это привело к тому, что богословская творческая мысль оказалась скована, «умолкло праведное слово», усилился уход от церкви, замирание ее жизни и даже «умирание церкви». Фактором, способствовавшим углублению кризиса, все большее число священнослужителей считало утрату соборности, а выходом из создавшегося положения – ее восстановление.

Довольно долго в историографии господствовало мнение, что такое состояние церковного организма обуславливалось отменой патриаршества и введением синодальной системы управления с подчинением церкви бюрократическому аппарату, вследствие чего духовенство «не имело своей корпоративной организации и самоуправления, его церковная администрация была интегральной частью коронной администрации, а сама церковь – одним из государственных институтов, составной частью самодержавного государственного строя. Однако в действительности РПЦ представляла собой особый институт, который существовал как бы параллельно государственным институтам и пользовался значительной автономией. Церковь являлась если не государством в государстве... то по крайней мере субобществом в большом обществе»¹⁰. В состав управлявшего церковью Синода входило до 10 архиереев, а духовные консистории – его самостоятельные региональные подразделения из представителей местного духовенства возглавлялись епископами.

Неоднократно вопрос о свободе совести поднимался в ходе работы Государственной думы. Оппозиция выступала с требованиями отделения церкви от государства и школы от церкви, введения полной свободы совести вплоть до признания внеисповедного состояния. Но такого рода предложения не встречали поддержки думского большинства, в котором «депутаты в рясах»

имели широкое представительство. Внесенный законопроект, по свидетельству митрополита Евлогия (Георгиевского), вызвал большое негодование в обществе, особенно среди епископов и духовенства. Дума все-таки признала равноправие перед законом всех исповеданий, но постановление было отвергнуто Государственным советом. Выносились на обсуждение и совершенно обратные законопроекты, которые в конечном счете преследовали цели ограничения веротерпимости. Поступавшие предложения о выделении денежных средств на нужды православной церкви активно обсуждались, высказывались и негативные взгляды, что не мешало почти беспрепятственному приему этих предложений.

Вопрос о свободе совести к началу 1917 г. так и не был решен, что дополнительно усложнялось и характерными для русского общества «неподвижностью догмы, преобладанием административной стороны над духовной, ритуализмом масс и их равнодушием к духовному содержанию религии»¹¹. Положение православной церкви оставалось неизменным. Консерватизм части духовенства не смог искоренить либеральные настроения и начавшиеся реформационные процессы в РПЦ. Этим фактором и ожиданием грядущих прогрессивных перемен на «новом пути государственной жизни» объяснялась положительная реакция большинства духовных лиц на Февральскую революцию и переход власти в руки Временного правительства. Сказалось и разочарование в обещаниях царя, и откладываемый созыв Собора, и самое негативное влияние, оказанное русской церкви распутищиной. События февраля – марта 1917 г., в том числе и свержение самодержавия, костромское духовенство восторженно называло «светлыми днями воскресения церкви», а долгом религиозной совести каждого человека и гражданина считало повиновение как центральной, так и местным властям.

2 (15) марта 1917 г. обер-прокурором Синода был назначен князь В. Н. Львов, известный идеями реформы в церкви. Люди, близко знавшие князя, утверждали, что он имел множество оснований мечтать занять этот пост. Поэтому, несмотря на либеральные взгляды, силы отказаться от обер-

прокуратуры и власти над архиереями у В. Н. Львова не хватило. А в сложившейся ситуации это было не только желательно (как символ разрыва с прошлым), но и необходимо. Сохранение титула и его полномочий расценивалось как недосмотр и тактическая ошибка Временного правительства. Во имя помощи церкви и облегчения ее перехода от подневольно-государственного положения к свободному выборному строю В. Н. Львову следовало «как бы “нелегально” остаться на время внутри церковно-правлящего аппарата и продлением по существу прежних обер-прокурорских полномочий акушерски помочь рождению соборной реформы церкви»¹². Заместитель В. Н. Львова А. В. Карташев настаивал на замене обер-прокурора Высоким комиссаром по делам Православной церкви или министром Исповеданий и создании голосами одних епископов Священного синода из расчета 7 человек из черного и белого духовенства. Предложения не встретили ни заинтересованности, ни противодействия. Временное правительство в вопросе реформирования церковной жизни проявляло известную осторожность, откладывая радикальные преобразования до будущего Учредительного собрания. Постановлением Синода были внесены изменения в богослужение, прекращались молитвы за Романовых, взамен их желательными стали моления о благоденствии Временного правительства. В марте 1917 г. из депутатов Думы и общественных деятелей создан Совет по делам Православной церкви, результатом его деятельности стали проведенные в большинстве епархий съезды епархиального духовенства и мирян, подтвердившие лояльность по отношению к правительству и высказавшиеся за скорейший созыв Поместного собора.

Святейший синод 9 (22) марта 1917 г. выступил с обращением об изменениях государственного строя, которое подписали митрополит Киевский Владимир, митрополит Московский Макарий, архиепископ Финляндский Сергей, архиепископ Литовский Тихон, архиепископ Новгородский Арсений, архиепископ Гродненский Михаил, архиепископ Нижегородский Иоаким, архиепископ Черниговский Василий и

протопресвитер Александр Дернов. Телеграмма с текстом была разослана в епархии 11 (24) марта. Высшие иерархи зафиксировали официальную позицию церковного руководства по отношению к происходящим событиям: «Свершилась Воля Божия – Россия вступила на путь новой государственной жизни, да благословит Господь нашу великую родину счастьем, славой на ее новом пути. Временное правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту. В такое время все верные сыны родины должны проникнуться общим воодушевлением ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради бесчисленных денежных средств, затраченных родиной на защиту от врага, ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения... собственных семейств, ради счастья родины». Высший церковный орган призывал довериться правительству, «оставить всякие распри и несогласия, объединиться в братской любви на благо родины, всем вместе и каждому в отдельности приложить все усилия, чтобы трудами, подвигами, молитвой и повиновением облегчить ему великое дело – водворение новых начал государственной жизни»¹³. Синод возносил мольбы о благословении начинаний Временного правительства, о даровании сил, мудрости и крепости народу в защите от врага и для будущего «безмятежного мирного устроения».

Называя революцию «великим переворотом в Отечестве», архиепископ Костромской и Галичский Евгений (Бережков) в своем обращении к духовенству епархии призывал к признанию и подчинению новому органу власти, «взявшему по воле народа и воинства всероссийского в свои руки управление страной». Глава епархии считал, что и духовенство «должно проникнуться своим долгом и действовать, всеми силами направляя паству на путь мира, порядка и подчинения новому Правительству, – немощствующую и колеблющуюся совесть иных успокоить своим пастырским словом»¹⁴. Принятое 20 марта (2 апреля) постановление правительства «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» законодательно признавало отмену привилегий и независимость всех церквей, хотя фактически ситуация

изменилась мало и первенство православной церкви не было нарушено. В апреле В. Н. Львов распустил старый состав Синода и созвал новый из епископов и протоиереев, который провел некоторые мероприятия по корректировке съездов духовенства и мирян и преобразованию их в епархиальные съезды. К концу марта по всей стране, в том числе и в губерниях Верхнего Поволжья, созывались многочисленные епархиальные, благочиннические, городские собрания духовенства разного статуса. В их работе практически впервые принимали участие миряне, церковные старосты, преподаватели духовных учебных заведений и выборные представители от приходов.

Состав участников Костромского епархиального экстренного съезда в апреле 1917 г. включал 167 представителей от духовенства и мирян, среди которых были не только церковные старосты (по должности), но и выборные представители. Особенностью съезда стало относительно небольшое численное превосходство лиц духовного звания – около 54 % (в 1910 г. более 70 %). От отдельных благочиннических округов вместо необходимых двух представителей (по одному мирянину и духовному лицу) приехало шесть «деятельных работников, могущих принести пользу в сложной работе». Избранные представители получили право решающего голоса, «добровольцы» – совещательного.

Приветствуя Временное правительство и выражая благодарность доблестной армии и активным борцам за свободу, съезд уверял в «полной готовности всеми силами поддерживать его как единственную власть, могущую объединить все население страны». Задачу духовенства съезд видел в том, чтобы встать на защиту свободы для сохранения единства и сплоченности народа, приложить все свое разумение и силы для политического воспитания широких народных масс, в создании нового строя государственной жизни на самых широких началах общественной самодеятельности. Общие лозунги, выдвинутые епархиальным съездом, состояли в следующем:

- невозможность возврата к старому самодержавному строю;
- совершенствование обновления строя государственной жизни;
- долг перед Родиной в деле защиты и обороны ее от внешнего врага;
- война до полной победы;
- доверие и подчинение Временному правительству;
- единство и сплоченность, порядок и спокойствие в стране¹⁵.

Разделяемые как духовенством, так и мирянами, эти тезисы должны были составить основу политической пропаганды духовенства, провозглашаемой с церковных кафедр. Пастырское собрание г. Владимира 21 марта (3 апреля) выразило мнение, что церковная проповедь не должна носить политического характера. Главная цель проповеди – миротворчество, т. е. внушение прихожанам любви и единения между собой, но в подчинении Временному правительству.

Принципиально после Февральской революции изменилось и отношение к главам епархий. На съездах прошлых лет авторитет архиепископа был непререкаем. Он непременно занимал пост почетного председателя, его мнение по обсуждаемым вопросам имело решающее значение, журналы съезда разрешались к печати только после его визирования. В программу апрельского съезда почти сразу был включен вопрос об избрании епископа. На первом заседании участники съезда постановили пригласить к молебствию перед началом работы архиепископа Костромского и Галичского Евгения и епископа Кинешемского Севастиана. Особо на участии в заседаниях не настаивали, присутствие архиереев на съезде предполагалось предоставить на их личное усмотрение. Такое отношение к иерархам, возможно, объяснялось позицией епископов, которые считали съезд несвоевременным и согласились на его проведение фактически под давлением и лишь уступая требованиям духовенства.

Во вступительной речи при открытии съезда его председатель священник В. Бережковский указывал на коренное изменение жизни, в котором деятельное участие принимают все классы и сословия. Он отметил: в

церкви лишь наметился «некоторый сдвиг в сторону обновления и переустройства, усилия к этому делаются со стороны клира и мирян. Но во главе церкви все еще находятся ставленники прежнего режима – епископы, насквозь пропитанные духом этого режима. Их отношение к обновленческому движению, – отмечал священнослужитель, – поразительно. Как будто они думают, что прежнее еще может вернуться, что с новым можно подождать, что жизнь не уйдет от нас и мы всегда успеем догнать ее. Это явление не ново. Оно обычно среди наших епископов»¹⁶. Ведомство православного исповедания, его указы и предписания, по мнению докладчика, создавали цепь насилия и гнета и еще более усугубляли ситуацию. Сделав вывод, что церковь осталась как будто позади жизни, В. Бережковский настаивал на правомочности съезда «иметь суждение о возрождении Церкви на соборных началах»¹⁷. Принцип соборности волеизъявления вытекал из недовольства духовенства его поработанным положением, желанием слиться с массами и подчеркнуть свое единство с паствой, перспективами действительного самоуправления, искренним чувством радости по поводу наступления церковной и гражданской свободы.

По проблеме реформы церковного правления священник П. Свирский озвучил разделяемую многими мысль: «Чтобы епископ был истинным пастырем и имел нравственный авторитет и влияние на свою паству, требуется... чтобы епископ избирался клиром и мирянами... из числа правомочных лиц, – будет ли то духовное лицо или мирянин – Поместным собором, причем желательно, чтобы таковой был не монах, т. к. монах, не зная жизни, не может быть и руководителем жизни»¹⁸.

Иерархам предлагалось удалиться на покой: архиепископу Евгению – по болезни, епископу Севастиану из-за грубого и некорректного отношения к духовенству и мирянам. Но, принимая во внимание готовность архиепископа помогать проведению в жизнь постановлений съезда и сохраняемое им единство с паствой, постановили: «Все печальные последствия прежнего правопорядка предать полному забвению, лишь бы архиепископ употребил

все старания к проведению данного обещания в жизнь»¹⁹. Одним из условий сохранения кафедры было удаление «вредновлияющих» лиц – ректора Костромской духовной семинарии протоиерея В. Чекана (известного черносотенца) и др. В отношении епископа Кинешемского Севастиана было принято решение просить его изменить прежнее отношение к пастве и «иметь полное единение с ней». В случае невыполнения постановлений съезд оставлял за собой право заменить архиепископа Евгения по сношению с высшей церковной властью другим кандидатом или ходатайствовать об удалении Севастиана из епархии с передачей дел правящему епископу.

Любое сомнение в авторитете епархиального архиерея вело к его увольнению с кафедры. По стране высоких постов лишились до полутора десятков иерархов. Устранялись наиболее консервативные представители высшего духовенства, в числе возможных кандидатов на освободившиеся кафедры рассматривались и миряне, в частности бывший обер-прокурор Синода А. Д. Самарин. Были избраны епархиальными съездами митрополит Московский Тихон (Белавин) (июнь 1917 г.) и архиепископ (с ноября 1917 г. митрополит) Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский) (август 1917 г.). Последний преемствовал кафедру от архиепископа Алексея, которого обвиняли в связи с Г. Распутиным, будто бы принявшим книгу с дарственной надписью иерарха. Архиепископ настаивал, что такого рода слухи мошенническая проделка, что Распутина он никогда не знал. Но эти заявления ситуацию не изменили, кафедру архиепископ Алексей вынужден был оставить²⁰. Увольнения коснулись и низшего приходского духовенства, промонархически настроенные священники изгонялись. Так, Костромской съезд единогласно (с воздержавшимся епископом) принял ходатайство о немедленном удалении с должности ректора духовной семинарии протоиерея В. Чекана. Он возглавлял отделение «Союза русских людей» в г. Костроме, но особенно отличился постоянными беспорядками в подведомственном ему учреждении (обыски с изъятием нелегальной литературы, бойкот и увольнения преподавателей, забастовки), беспрестанным надзором за

учениками и как следствие – «непримиримой враждебностью между воспитанниками и воспитателем». Ректор ссылаясь на коллегиальность в управлении семинарией и возражал против возложения ответственности только на него, жаловался на потерю здоровья в борьбе с беспорядками. В ответ ему пришлось выслушать обвинения в давлении на преподавателей, которые вынуждены были подтвердить уже готовые постановления этого «волка в овечьей шкуре»²¹.

Уникальное явление, появившееся в церкви в начале 1917 г., в ряде работ как светских, так и церковных историков оценивается как «церковная» или «религиозная революция»²², когда «рядовое духовенство пыталось весьма радикальными мерами, как правило, против воли своих архиереев, провести назревшие реформы во внутреннем строе Православной церкви и добиться установления социальной справедливости в церковно-приходской жизни»²³. И это касалось не только выборности епископата, но и участия священнослужителей в управлении епархией, уравнивания в правах черного и белого духовенства, справедливого распределения доходов между членами причта.

В программу Костромского съезда вошли вопросы об отношении к переживаемым политическим событиям, участию духовенства в политической деятельности, созыве Поместного собора, реформах епархиального управления, церковного суда, духовных учебных заведений, об обеспечении духовенства жалованием и пенсией, о преподавании Закона Божьего в учебных заведениях и др. Создавалось пять комиссий по числу «отделов вопросов». В соответствии с решениями представительного собрания взамен Духовной консистории с тем же кругом вопросов создавалось Епархиальное управление из епископа и пяти выбранных епархиальным съездом членов клира и мирян (не менее двух человек). Председателем его становился епископ или назначенное им лицо. Члены избирались из лиц, имевших хотя бы среднее образование, сроком на 5 лет. Ежегодно по жребию один человек выбывал, а на его место приходил другой. Решения принимались большинством голосов.

В округах упразднялись должности благочинных и их советов, которые заменило Окружное управление из представителей клира и мирян. Управлению передавались дела благочинных, судебные дела округа и наблюдение за правильностью выборов и деятельностью приходских советов.

Постановление о реформе прихода включало положение о признании его самостоятельной юридической единицей с правом полного распоряжения церковным имуществом и капиталами. В состав его входили исповедующие православие и желающие принадлежать к нему. Право распоряжения всеми делами принадлежало приходскому собранию из лиц обоего пола не моложе 21 года, «непорочным по суду». Приходская община должна была заботиться о религиозно-нравственном просвещении своих членов, управлении церковно-приходскими школами (ЦПШ), о «благоукрашении» храмов», «боголепии служб», о бедных, больных и сиротах²⁴.

Выступавший по вопросу реформы духовной школы докладчик назвал ее первым рассадником просвещения и, указывая на тот факт, что в жизни ее не произошли изменения, благоприятно оценивал отсутствие резких скачков и коренной ломки. Высказывалось опасение, что с нарушением единства государства и церкви произойдет резкое изменение духовной школы, в то время как желательна постепенность и «приспособление школы к требованиям новой жизни». Духовная школа, по мнению большинства представителей съезда, должна быть сближена с общегосударственной, что проявлялось бы в совпадении основных предметов их курсов, но при наличии предметов, отражающих ее православно-христианский характер. Она должна входить в сеть государственных школ и состоять на контроле и содержании государства; строиться на принципах: бессословности, бесплатности, автономии в решении текущих вопросов и избрании администрации и педагогического состава. В основу воспитания закладывался принцип индивидуального изучения личности в целях развития духовных и физических способностей ученика. Политические события не должны составлять тайны для учащихся, но их активная партийная работа – стачки, забастовки и др. – не

могли быть допущены. Задача женских духовных школ состояла в том, чтобы давать законченное среднее образование, которое позволяло бы выпускницам поступать в высшие учебные заведения, и специальную подготовку как учительниц. Для обучения и воспитания народа сохранялись церковно-приходские школы. Находясь всецело под влиянием церкви, они должны были сохранить господствующий православно-христианский дух с серьезной постановкой обучения Закону Божьему и церковному пению²⁵.

В целом постановления Епархиального экстренного съезда предвосхитили отдельные решения Поместного собора 1917–1918 гг. Это свидетельствовало о значительной степени единомыслия по наиболее важным вопросам внутрицерковной жизни, а несомненным доказательством ее демократизации следует признать коллегиальность обсуждения духовенством насущных проблем и итогов революции. Постановления съездов, проходивших с марта по май включительно, содержали оформленные в виде резолюций заявления программного характера, которые несли на себе отпечаток массового революционного настроения и принятия-неприятия позиции местного архиерея. В целом высказывались тезисы о богоугодности революционных событий и недопустимости возврата к старому, об установлении республиканской формы правления. Мнения по вопросу отделения церкви от государства разделились. Проходившие с участием церковнослужителей и мирян собрания духовенства и епархиальные съезды в Вятской, Тверской, Донской и ряде других губерний проголосовали «за». Занимая в основной своей массе позицию аполитичности и выступая за демократические преобразования в церкви, священнослужители не разделяли подобного тезиса и придерживались точки зрения некоторого отделения в виде предоставления самостоятельности в управлении. Самую благоприятную оценку заслужило многократно опубликованное в печати решение пастырского собрания г. Владимира 21 марта (3 апреля) 1917 г., на первый план выводившее миротворческую составляющую проповеднической деятельности духовенства.

В Костромской, Владимирской и Ярославской епархиях вводились коллегиально-представительские начала церковного управления. Епархиальные советы существенно расширили рамки своей деятельности, возросла творческая активность как мирян, так и духовенства. В состав Костромского совета, избранного на съезде в апреле, вошли священник П. Свирский – глава комиссии по реформе епархиального управления, протоиерей В. Владимиров, диакон Даниловский, преподаватели семинарии В. М. Магнитский, Н. В. Спасский, в качестве кандидатов диакон В. Богданов и преподаватель И. Ф. Груздев. Из-за незнания городскими жителями нужд и быта сельского духовенства решением июньского съезда число членов было увеличено до 6 человек путем включения представителя этой группы. Претворение в жизнь принимаемых решений возложили на плечи исполнительного комитета также из представителей как духовенства, так и мирян. В Костромской исполком вошли – староста И. А. Беляев, преподаватель семинарии В. Ф. Магнитский, священники Н. Пермезский, Н. Крутиков, К. Сперанский, П. Лебедев, кандидатом – священник Феодор Софийский²⁶.

Определением Синода от 5 (18) мая 1917 г. духовенству епархий было предоставлено официальное разрешение на проведение съездов для решения местных дел и проблем, проистекающих из перемен общественного порядка и политической жизни страны с участием в них мирян. Церковный орган лишь зафиксировал явление, уже ставшее повсеместным.

Программа Временного правительства в отношении церкви отражала широкие либеральные течения общественного мнения. Она предполагала, во-первых, свободу религиозной совести для всех исповеданий, которая органически включала и свободу пропаганды; во-вторых, свободу соборного самоуправления для православной церкви; в-третьих, упразднение государственной опеки обер-прокурора над церковью; и, в-четвертых, упразднение и некоторых привилегий православия, в частности осуществляемой государством его полицейской защиты от посторонней

пропаганды²⁷. Таким образом, ставилась задача устранить положение, при котором церковь была лишена свободы, т. е. соборности управления, подчинена власти светского чиновничества и имела ограниченную самостоятельность, а христианская вера была приспособлена для нужд государственной идеологии.

Проведение пунктов этой программы, которые обсуждались и приобрели весьма последовательных и активных сторонников и в церковных кругах, неминуемо должно было привести к изменению отношений государства и церкви. «Новое революционное правительство, не миропомазанное церковью (т.е. уже не «Милостью Божьей», а «волею народа»), не могло и не должно было оставаться в прежних конфессионально тесных отношениях с православной церковью. Оно обязано было мыслить себя как власть только светскую, принципиально невероисповедную»²⁸, но при этом, как правительство русское, национальное, сохранять отношение к православной церкви как к исторически первенствующей среди других исповеданий. «Владимирские епархиальные ведомости» отмечали, что «на Руси нет ни идейных, ни практических оснований к разрыву церкви от государства и если бы такой разрыв произошел, то он внес бы вредные последствия, т. к. омертвил бы жизнь и церкви, и государству». Издатели полагали, что государство не желает «низвести церковь на степень обычного, лишь терпимого союза, предоставляет ей полную свободу в ее функциях»²⁹.

Опасения за судьбу и будущее религии все же оставались. На многочисленных собраниях, встречах и беседах 18 апреля (1 мая) 1917 г. «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская, приехавшая в Кострому, оказалась вынужденной отвечать на вопросы о религии. Она отвергала «возбуждаемые темными силами» нелепые слухи о том, что золотые кресты всех церквей будут перечеканены на монеты, колокола перелиты на пушки, драгоценные камни отобраны, а церкви обращены в сеновалы. Пыталась объяснить суть понятия «свобода совести»: «... свобода дана для того, чтобы каждый мог соблюдать свою религию, согласно своей совести, своему

разумению»³⁰. Подвижничеством, жертвенностью и страданиями, выпавшими на долю социалистов, надеялась Брешко-Брешковская, будут сняты с них обвинения в безбожности; она подчеркивала, что, вероятно, Христу ближе не тот, кто ежедневно посещает храм, а тот, кто в жизни своей следует его заветам. В сравнении со значимостью неизменности обряда как неотъемлемой частью жизни и быта русского крестьянина, пространные рассуждения о свободе совести проигрывали. И восстановление патриаршества как наместника Бога на земле, всеобщего печальника и заступника, для людей верующих было много важнее, чем утверждение в стране одного из принципов буржуазной демократии.

В мае съезд духовенства и мирян Владимирской епархии после обсуждения наиболее важных вопросов о подчиненном положении церкви в государстве и ее внутреннем состоянии, вынес постановление о необходимости первоочередных изменений, основанных на принципе коллегиальности в высшем и епархиальном управлении церковью³¹.

В большой мере под давлением общественности и не в числе первоочередных 14 (31) июля 1917 г. Временным правительством был принят закон «О свободе совести», который закреплял за гражданами свободу выбора любой религии, утверждал веротерпимость, возможность беспрепятственного отправления любых религиозных культов. Существенно расширились права религиозных организаций в подготовке и проведении широкой религиозной общественной, проповеднической, благотворительной, педагогической деятельности при сохранении лояльности к существующему строю.

Не выходящий за рамки буржуазного законодательства о свободе совести закон тем не менее был встречен одобрительно, поскольку закрепил принципиально новое для России отношение к религии. Принцип свободы совести, заложенный в программные требования либеральных и социалистических партий, казалось, был достигнут. Но его содержательная сторона имела массу расхождений и нюансов, т. к. одни считали вполне достаточными мерами предварительную работу и принятие закона, другие

видели в нем первую ступень на пути к полной свободе совести. Третьи, наиболее агрессивные противники «безбожного» правительства, усмотрели в нем наступление на православную церковь, ее права и место в государственной и общественной жизни. С недоумением и нарастающим негодованием «Костромской церковно-общественный вестник» отмечал наличие в законе положений, «до сих пор чуждых русскому законодательству, – принцип совершенно безразличного отношения государства к вероисповеданию его граждан, которые даже не обязываются заявить органам государственной власти о перемене своей религии. Прежнее господствующее положение православной церкви оказывается значительно поколебленным». Изменение ее правового статуса могло повлечь в стране еще более тяжелые последствия. По мнению авторов, церковному кораблю угрожали волны нечестия и неверия то озлобленного, то юношески легкомысленного. Говорить же об общности интересов между Русской православной церковью и государством больше не приходилось³². Но осуществляющиеся перемены вряд ли представляли столь серьезную угрозу для православия, поскольку внутри церкви шли серьезные процессы «конструктивного обновления», а поставленные перед Поместным собором проблемы церковной жизни и методы их решения во многом опережали другие страны христианского мира.

Что ждет православную церковь и многострадальное, забитое, задыхающееся в тисках существующего церковно-административного режима духовное сословие? Этот вопрос продолжал волновать священнослужителей. Высказывалось мнение, что в условиях смутного революционного времени духовенство должно «опознать» себя, сплотиться и внутренне и внешне, объединиться в кружки и союзы. Тем более, что оно оказалось вне организованных в городах Костромской губернии комитетов общественной безопасности, выступавших с требованиями конфискации церковных и монастырских земель.

1–10 (14–23) июня 1917 г. в Москве работал Всероссийский съезд представителей клира и мирян, который подвел промежуточные итоги

последовавших за революцией перемен в церкви и государстве и выставил Временному правительству довольно категоричные требования, которые не могли быть взяты за основу разрабатываемых и принимаемых законов. Костромскую епархию представляли протоиерей Аполлос Благовещенский, священники В. Бережковский, П. Свирский, преподаватели духовной семинарии В. К. Магнитский и Н. В. Малиновский, инспектор классов Епархиального женского училища и другие. В докладе очередному Костромскому епархиальному съезду Н. В. Малиновский дал общую характеристику Всероссийского съезда и представил позицию по ряду вопросов. Отношение к политическим событиям отразилось в следующих пунктах:

1. Съезд отметил, что «хотя христианская церковь может существовать при всякой форме государственного устройства, но по взвешенным христианским понятиям о человеческой личности и о церковном начале соборности признан более соответственным демократический строй государства»³³.

2. Съезд подчеркнул, что «с падением царского самодержавия, безвозвратно отошедшего в прошлое, вся полнота верховной власти переходит к народу, управление же страной до созыва Учредительного собрания принадлежит Временному правительству, подчинение коему не только обязанность для каждого, но и совершенная необходимость во избежание гибельного безначалия»³⁴.

3. Съезд призывал каждого православного христианина содействовать установлению благожелательного отношения к православной церкви.

4. Съезд высказал пожелание созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Все его решения, относящиеся к государственному устройству, признавались заранее.

5. Съезд указал на необходимость созыва Всероссийского церковного собора ранее даты созыва Учредительного собрания или одновременно с ним.

Подготовку церковного общества к Собору следовало осуществлять через приходские епархиальные собрания.

6. Съезд обозначил несоответствие войны существу и духу христианского учения, но вынужденно признавал необходимость ее продолжения «до такого исхода, который бы обеспечил государственную целостность России, свободу ее политического и церковного самоопределения, а равно долгий и прочный мир»³⁵. Съезд призывал к немедленному прекращению внутренней розни и всенародному отпору врагу.

Для более плодотворной работы съезда были созданы 6 секций для рассмотрения вопросов об организации Всероссийского союза, о составе Собора, о епархиальном управлении, о реформе прихода, о духовной школе и о взаимоотношениях между государством и церковью.

Для исправления внутрицерковной ситуации предполагалось создать 3 организации: Совет епархиальных и всероссийских съездов, Всероссийский союз духовенства и Всероссийский союз духовенства и мирян. Первый учреждался на основании возросшего значения и активной позиции епархиальных съездов духовенства и мирян для объединения и связи отдельных епархий и направления их деятельности в общее русло. В его состав входило 12 членов, причем равное представительство отводилось клирикам (3 пресвитера и 3 низших клирика) и мирянам. На обсуждение епархий передавались разные вопросы, «выдвигаемые жизнью и ее потребностями». Задачами Всероссийского союза духовенства было объединение духовенства в его церковном служении, улучшение и защита правового и материального положения духовных лиц. В Центральный совет, временно избранный из Московского духовенства, вошли 6 священников и 6 клириков. На Всероссийский союз духовенства и мирян возлагалась поддержка православной церкви в современных условиях, «охранение и укрепление христианских начал в жизни личной, общественной и политической, посредством печати, проповеди и т. п.», взаимная духовная и материальная взаимопомощь членов³⁶. В Совет союза вводились 1 клирик и 1 мирянин.

Неоднозначным было и отношение делегатов съезда к Синоду. Специально приехавший петроградский священник настаивал на раскрепощении Синода от власти обер-прокурора и переизбрании его членов, представители Москвы воспротивились этому предложению. В итоге петроградский делегат так и не получил слова, но отдельные деятели съезда опасались непредсказуемой реакции большинства на появление на трибуне обер-прокурора. Готовились даже вынести его на руках и разогнать съезд. Прибегать к крайним мерам не пришлось. Отрицательная реакция была направлена против монахов. Высказывались предложения не допускать их в состав епархиальных управлений, ссылаясь на их отречение от мира. Затронул монашествующих и вопрос об избрании епископов. Решение выбирать глав епархий из духовенства и мирян натолкнулось на неприятие монахов. По каноническим справкам было определено, что епископ не может быть монахом. Для многих делегатов съезда, в том числе и для костромича В. К. Магнитского, это стало открытием. Обращаясь к делегатам костромского съезда, он заявил: «В первый раз я это услышал в Москве и вы, я думаю, до сих пор не слышали. Монахи не принадлежат, оказывается, ни к клиру, ни к миру. Потому-то епископы наполовину не монахи: живут не в монастырях, не несут монашеских подвигов, ездят в каретах и носят цветные платья. Можно и из монахов выбирать епископа, но он становится уже не монахом»³⁷.

Намечая главные пункты реформы прихода, съезд определял православный приход как часть епархиальной общины в составе клира и мирян, церковную общину при храме с правами юридического лица. Управление и распоряжение имуществом в согласии с местным епископом передавалось приходскому собранию, в котором большинство должны были составлять миряне. Решения съезда значительно расширяли представительство мирян и в будущем Российском церковном совете – исполнительном органе, действовавшем в перерывах между Поместными соборами. Будучи доказательством несомненной демократизации

внутрицерковной жизни, эти факты свидетельствовали об активной позиции верующих и невозможности духовенства не принимать ее во внимание.

Резолюции секции государственно-церковных отношений включали пункт о невозможности отделения церкви от государства при объявлении и последовательном проведении свободы вероисповеданий и культа. За православием следовало признать первенство среди других исповедуемых в стране религий, преимущества в актах государственной жизни, автономию во внутреннем устройстве и управлении, независимость от посторонней власти. Поскольку православная церковь обладала публично-правовым характером, государство должно было оказывать ей покровительство в законах и материальную поддержку. Но подобная поддержка в силу принципа свободы вероисповедания могла быть предоставляема государством и другим религиозным исповеданиям. Государственная власть должна была предоставить православной церкви прочные гарантии от кощунственного обращения как действием, так и посредством слова и печати, полную независимость, неизменность обязательного преподавания Закона Божьего и руководства церкви народными школами³⁸. Требования носили довольно категоричный характер и вряд ли могли быть взяты Временным правительством за основу разрабатываемых законопроектов, хотя кое-что сделать все-таки удалось. В августе по инициативе А. В. Карташева взамен упраздненного Синода было создано Министерство исповеданий. Его глава и два первых заместителя должны были принадлежать к православию. Не отменялись и государственные субсидии на нужды православной церкви, преимущества которой правительство охраняло.

По вопросу о духовной школе постановили отделить от специальной богословской школы среднюю школу в виде православной мужской гимназии. Она не преследовала профессиональных целей, имела минимум общеобразовательных предметов и сохраняла христианско-гуманитарный характер с обязательным Законом Божьим и философией.

Важнейшим для перспектив развития все же оставался вопрос о Соборе. Еще в апреле 1917 г. Священный синод объявил о созыве Поместного собора и создании Предсоборного совета по его подготовке, ссылаясь на начавшееся повсеместно церковное оживление и невозможность при изменившемся государственном строе русской церкви оставаться при отживших порядках. Организационные принципы Собора разрабатывались во всех деталях. Утверждалось в соответствии с канонами и правилами Вселенской церкви два образующих его начала – правящий епископат и выборные делегаты от «остального тела Церкви, от клира и мирян». Викарные епископы не входили, но могли быть избраны общинами в состав Собора. Полномочия проводить прямые выборы из кандидатов не моложе 21 года, не опороченных и верных церкви, имел епархиальный съезд. От решения проблемы участия в выборах женщин делегаты воздержались, доверив его рассмотрение более высокой инстанции. От епархии избирались 7 священно- и церковнослужителей: 1 епископ, 1 представитель от мужских и женских монастырей, 5 клириков (2 священника, 1 диакон и 2 псаломщика) и 7 мирян. Представители клира и мирян имели право решающего голоса, епископ – право первого, определяющего голоса. Епископат высказывал мнение, решение – прерогатива всего Собора.

В задачи Собора входили:

- 1) восстановление соборного начала в жизни церкви;
- 2) кодификационные работы – свод церковных канонов;
- 3) решение догматических, церковно-практических, богослужебных и юридических вопросов.

Управление церковью возлагалось на созываемый раз в 3 года Поместный собор, исполнительная власть – на Российский церковный совет, избираемый на 6 лет из четырех епископов, четырех клириков, одного монашествующего и пяти мирян³⁹.

Вслед за Всероссийским съездом в июне 1917 г. для обсуждения постановлений и претворения их в жизнь были созваны епархиальные съезды

духовенства и мирян. Судя по материалам Костромского епархиального съезда, в значительной степени он носил информативный характер, поскольку принятые в апреле решения не вступали ни в какое противоречие с постановлениями высокого собрания. Почетными председателями съезда стали епископы Евгений и Севастиан. В приветственном слове глава епархии выразил надежду на скорое установление «мира и тишины на земле Русской». В случае возвращения к обсуждению вопросов экстренного съезда в апреле, призывал их «исправить и окончить», преследуя благо церкви. Были избраны комиссии по делам эмеритального комитета, по церковно-приходским школам, комиссии попечительства о бедных духовного звания и Федоровско-Сергиевского братства. В программу съезда вошли 52 вопроса, в том числе об обложении монастырей епархии процентным взносом на нужды духовно-учебных заведений, о сроках выполнения постановлений экстренного съезда об избрании окружных управлений, о равном количестве депутатов духовенства и мирян на епархиальных съездах, о том, как поступать духовенству и приходам, когда по одному и тому же вопросу имеются решения съезда и Синода, об учреждении родительских комитетов при духовно-учебных заведениях епархии и др.⁴⁰ По вопросу о перемещении священнослужителей за их политические убеждения из более состоятельных приходов в менее обеспеченные было принято решение: просить епископа Евгения рекомендовать в первую очередь на освободившиеся места в более обеспеченных приходах тех священников, которые за свои взгляды были наказаны и перемещены в беднейшие приходы⁴¹.

Своими впечатлениями о Всероссийском съезде поделился В. К. Магнитский. Основываясь на увиденном собственными глазами и почерпнутом из общения с людьми, близко стоящими к самому центру положения современной жизни, он утверждал, что веры в возврат к прошлому нет, остались только опасения, колебания и боязнь. Их следует оставить и встать на прямой путь раскрепощения церкви и государства. В. К. Магнитский отметил, что церковные реформы идут «гораздо мягче и быстрее, чем

реформы государственной жизни». Причин же несколько, а главная – отсутствие потрясений, подобных падению царизма. Переустройство церкви он сравнивал с ремонтом здания: обветшавшее перестраивается, а в другой половине живут. Постепенно вводятся окружные управления, создаются епархиальные советы, дело доходит и до Синода без излишней поспешности и сумятицы. Но докладчик не брал на себя смелость утверждать, что все абсолютно спокойно: «Нам угрожали и там, в Москве. Съезд начали срывать проникшие сюда большевики. Некоторые из них специально приехали для этого из Петрограда. Являлись такие господа, которые совершенно терялись и не знали, что отвечать, когда их спрашивали: кто они, откуда, кем присланы»⁴².

В июне Предсоборный совет начал свою работу и почти с первых дней в нем сформировались 2 противостоящие группы, которые по-разному видели будущую форму церковного управления и положение православной церкви. Профессор Покровский и те, кто разделял его взгляды настаивали на полном отделении церкви от государства и принятии синодально-соборной структуры управления. Сторонники точки зрения князя Е. Н. Трубецкого и С. Н. Булгакова не отвергали сам принцип отделения, но настаивали на том, чтобы за православием как национальной церковью сохранялся особый статус – первой среди равных. По их мнению, церковь органически срослась с народом, культурой и государственностью, настолько сильно, что оторвать ее от общественного организма – национального государства уже невозможно. Множество споров вызывало и восстановление патриаршества. Отсутствие единодушия по основополагающим вопросам было характерно и для дальнейшей работы Собора. Тяжелая финансово-экономическая ситуация отразилась на его подготовке. Временное правительство ассигновало на проведение только 1 млн рублей, наравне с ассигнованиями на другие нужды. Все другие издержки были спроектированы Синодом из синодальной кассы.

С середины лета 1917 г. стал заметен спад социальной активности духовенства. Вероятно, сказалось разочарование в неспособном провести церковную реформу правительстве, углублявшийся экономический и

политический кризис. Утверждать подобное о мирянах неуместно. Воодушевленные происходящими в стране и внутри себя изменениями муромские активисты создали кружок религиозно-нравственного просвещения. В августе прошение о его регистрации поступило во Владимирский окружной суд. Объединение ставило цель духовного самоусовершенствования своих членов и содействия религиозно-нравственному просвещению общества путем назидательного совершенствования богослужения, оживления церковной проповеди и организации общедоступных чтений и бесед за пределами храма. По уставу в состав его могли вступать представители городского и сельского духовенства и православные миряне. Но большая доля работы и ответственности ложилась все же на плечи духовенства. Для достижения поставленных целей кружок планировал вырабатывать и по возможности осуществлять ряд изменений в богослужебной практике, чтобы придать ему более назидательный характер, а также изменений, касающихся церковной дисциплины клира и мирян; определять характер церковного проповедничества, устанавливая и намечать темы и планы проповедей на ближайшее время; устраивать чтения и беседы религиозно-нравственного, апологетического и научно-просветительского характера для своих членов и «посторонней публики», причем предусматривалось, что рассмотрение социальных вопросов не будет носить узкопартийной окраски⁴³.

Весьма вероятно, что какая-то часть работы Муромским кружком проводилась, но 8 (20) августа 1917 г. Владимирский окружной суд в составе председателя Г. К. Фон Кнаута и членов суда А. Н. Твердислова и Н. Н. Смирнова отказал этому кружку в регистрации, ссылаясь на то, что устав его подкреплён лишь двумя учредителями, что противоречит законодательству о разного рода объединениях.

Изменилась требовательность прихожан к священнослужителям, так как «на фоне получившего широкое распространение процесса отхода общества от церкви среди паствы появились воинствующие антиклерикальные

настроения»⁴⁴. Церковные доходы снижались, появилось недовольство размерами взимаемых за требы плат и отсутствием контроля за распределением церковных средств. В некоторой степени эти факторы сказались и на проводимых (по примеру выборов в Государственную думу) выборах в Собор. На приходских собраниях избирались выборщики на благочиннический съезд, причем в выборах на равных правах участвовали и мужчины, и женщины. Выборщиками в данном случае являлся весь причт прихода по должности и миряне мужского пола старше 25 лет, выбранные в количестве, в два раза большем численности причта прихода.

Вторую ступень представляло благочинническое избирательное собрание, закрытым голосованием выбиравшее делегатов на епархиальное избирательное собрание в количестве двух клириков, один из которых должен быть в сане пресвитера, и трех мирян.

Епархиальное собрание также закрытым голосованием избирало меньшее, чем решил Всероссийский съезд духовенства и мирян, число членов Собора – пятерых, из них двух клириков, один из которых должен быть священником, а второй мог быть викарным епископом, диаконом, псаломщиком или священником. Архиереи по должности автоматически становились членами собора, в частности митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский) и митрополит Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский). От Владимирской епархии в число депутатов собора вошли протоиереи Н. А. Преображенский, В. Г. Добронравов, Н. В. Малицкий, А. Н. Овсянников, А. В. Авдеев, архимандрит Александр и иеромонах Афанасий (будущий епископ Ковровский); от Костромской – Н. А. Вознесенский и И. Ф. Иорданский.

Таким образом, православная церковь постепенно обретала самостоятельность и независимость от государственной власти. Свидетельствовала об этом работа епархиальных съездов духовенства и мирян и избрание ими глав епархий, созыв Поместного собора для решения важнейших вопросов церковной жизни и проведение свободных и тайных

выборов его членов. Но церковь не получила еще юридической свободы, полностью терять верховенство над нею Временное правительство не желало. Неприятие совершенной 20 июня (3 июля) передачи церковно-приходских школ в ведомство Министерства народного просвещения и выдвигаемые требования о сохранении первенствующего положения православия правительство оставило без внимания. Более того, перед открытием Собора было принято постановление о том, что законопроект о новом порядке церковного самоуправления, который должен быть выработан им, подлежит обязательному утверждению правительством.

Отделение церкви от государства и соборное решение по этому поводу приобретали огромное значение. Проект положений по вопросу разработали члены кадетской партии С. А. Котляревский и П. И. Новгородцев. 13 (26) июля Предсоборный совет принял проект, в котором фиксировалось первенствующее публично-правовое положение православной церкви в стране, приличествующее ей как величайшей народной святыне, исключительной исторической и культурной ценности и религии большинства населения. Полная свобода религиозной совести для нее должна была выражаться в независимости от государства в делах своего устройства, управления, суда, учения веры и нравственности, богослужения, внутренней церковной дисциплины и внешних сношений. Издаваемые церковью для себя постановления со стороны государства должны были признаваться нормами права, обязательными для всех лиц и установлений с момента их опубликования. Надзор за действиями органов РПЦ мог осуществляться только в порядке соответствия их законам государства. Глава государства и министр исповеданий должны были быть православными. Во всех случаях, когда государство обращалось к религии, преимущество было у православной церкви. На нужды церкви государством должны были выделяться ежегодные ассигнования в зависимости от ее потребностей. Таким образом, устанавливалась система взаимной независимости соборной церкви и правового государства при их моральном и культурном сотрудничестве. Этот

проект имел вид более детализированного кадетами лозунга отделения церкви от государства.

Собор открылся 15 (28) августа 1917 г. в Москве, как бы отдавая ей первенство столицы духовного возрождения России. Для участия в нем были призваны в полном составе Святейший синод и Предсоборный совет, все епархиальные архиереи, выборные от епархий, протопресвитеры Успенского собора и военного духовенства, наместники четырех лавр, настоятели Соловецкого и Валаамского монастырей, Саровской и Оптиной пустыни, представители монашествующих, единоверцев, духовных академий, воинов действующей армии, Академии наук, университетов, Государственного совета и Государственной думы. В число 564 делегатов от 66 епархий входили 299 мирян и порядка 250 представителей духовенства, среди которых было 80 архиереев, 129 пресвитеров, 10 диаконов, 26 псаломщиков, 20 монашествующих (архимандритов, игуменов и иеромонахов). Широкий состав Собора и представленные на нем взгляды отличались пестротой. Непримируемость и враждебность соборных течений и настроений замедляли работу и тормозили скорейшее решение поставленных проблем.

Довольно быстро определились 2 группы, занимавшие противоположные позиции. Левое крыло Поместного собора состояло из белого духовенства городов, церковной интеллигенции и профессуры, в том числе и из мирян. Оно выступало за ослабление позиций монашества и епископата, за синодальную, т. е. максимально демократичную коллегиальную систему церковного управления, где голос архиерея приравнивался бы к голосу простого священника. Правое крыло (так называемое патриаршее большинство) составляли консервативно настроенные делегаты, которые выступали за сильную патриархально-епископальную систему управления, где наибольший вес и значение имели голоса церковных иерархов, право совещательного голоса – рядовое духовенство и миряне.

С речью на торжественном заседании открытия Собора выступил министр исповеданий А. В. Карташев. Перед соборным большинством он сделал попытку определить принцип взаимоотношений государства и церкви: «Временное правительство видит в соборе РПЦ полномочный орган церковного законодательства, имеющий право авторитетного представления на уважение Временного правительства законопроектов о новом образе церковно-правительственных учреждений и о видоизменении отношений церкви к государству»⁴⁵. Тесная близость правительства к делам и интересам церкви есть первооснова правительственной идеи культурного сотрудничества государства с церковью: «взаимная свобода при взаимном сотрудничестве». При этом до принятия Собором законодательных положений, касающихся преобразований церковного управления, прежние постановления, принятые Временным правительством, оставались в силе.

Все делегаты работали вместе и имели равное право голоса; проекты постановлений и определений передавались на окончательное утверждение архиереям, заседания которых проходили отдельно. По уставу Собора епископы несли особую ответственность за судьбу церкви. Если собрание архиереев отвергало проект, он вновь возвращался на общее рассмотрение. При повторном отклонении проект снимался с повестки дня. Более всего это правило касалось вопросов догматического и канонического характера. Такая система все же позволяла высшим иерархам оказывать влияние на принимаемые Поместным собором решения.

Наиболее важные и первоочередные проблемы, которые стояли перед Собором и требовали его решения, были следующие:

- 1) система церковного управления и восстановление патриаршества;
- 2) участие женщин в церковной жизни;
- 3) обязательность преподавания Закона Божьего;
- 4) регламентация деятельности монастырей и монастырской жизни;
- 5) церковная собственность и имущество.

Программа несколько отличалась от намеченной Всероссийским съездом, в частности это касалось вопроса о патриархе. Собор образовал 22 отдела, которые занимались подготовкой докладов и определений, выносившихся на заседания. Наиболее важными среди них были отделы Высшего церковного управления, Уставный, епархиального управления, благоустройства приходов, правового положения церкви в государстве. Но созданный для решения внутренних церковных проблем Собор расценивался как своеобразная политическая сила, действие которой основывалось на глубокой религиозной вере и от которой ждали содействия в устройстве государственной жизни. Не оказывая поддержки какой-либо группировке и не идя на поводу политических взглядов своих членов, Собор преследовал цель возрождения России, восстановления ее могущества и авторитета. Опираясь на исторические аналогии со Смутным временем, он претендовал на роль конструктивного первоначала, отрекшись от участия в борьбе политических партий и указывал, что непременным условием мира должно служить отрешение от односторонних точек зрения класса и партии. Власть должна быть не партийною, а всенародною.

Первое рабочее заседание Собора состоялось только на третий день после открытия в Московском епархиальном доме. Открывая заседание, напутственное слово произнес митрополит Владимир, который отметил широкое представительство Собора, присутствие в нем духовного благочестия, христианской добродетели и высокой учености, но посетовал на недостаток в них единомыслия и на то, что разномыслие стало основополагающим принципом жизни. Почетным председателем Собора был утвержден митрополит Киевский Владимир, председателем избран митрополит Московский Тихон (Белавин). В Соборный совет вошли председатель и его заместители архиепископы Новгородский Арсений (Стадницкий) и Харьковский Антоний (Храповицкий), протопресвитеры Н. А. Любимов и Г. И. Шавельской, князь Е. Н. Трубецкой и председатель Государственного совета М. В. Родзянко, которого в феврале 1918 г. заменил

А. Д. Самарин. Кроме того, членами были избраны митрополит Тифлисский Платон, протоиерей А. П. Рождественский и профессор П. П. Кудрявцев.

24 августа (6 сентября) 1917 г., опираясь на сведения о губительном положении армии воюющей страны, по предложению протопресвитера армии и флота Поместный собор выпустил обращение, в котором призвал весь русский народ услышать голос церкви в годину духовного падения и гибели родины: «Совесь народная затуманена противными христианству учениями. Совершаются неслыханные кощунства и святотатства; местами пастыри изгоняются из храмов. Люди, вне зависимости от званий и состояний, стремятся использовать народную беду для собственного обогащения и легкой наживы». Грабежи, насилия, дезертирство, алчность, трусость и предательство ее граждан превратили Россию в предмет поношения среди иностранцев. Собор взывал «опомниться, очнуться, отбросить взаимную ненависть и внутренние распри, встать за Россию»⁴⁶.

Епархиальные издания, в частности «Владимирские епархиальные ведомости», в момент суровых испытаний предлагали духовенству, «ввиду переживаемых Отечеством грозных событий совершить всенародное молебствие о спасении державы Российской в день Животворящего Креста 14 сентября или 1 октября в день Покрова, поручить духовенству располагать верующих к покаянию»⁴⁷.

Отношения между Временным правительством и Собором обострились по вопросу о церковно-приходских школах. Встреча с А. Ф. Керенским делегации во главе с архиепископом Кириллом, требовавшей отмены принятого закона, не принесла результатов. Глава правительства заявил о решимости уничтожить нити, мешающие новому строю стать внеконфессиональным. 23 октября (5 ноября) Собор счел своим долгом заявить, что закон 20 июня (3 июля) причиняет большой вред православной церкви в ее христианско-просветительной деятельности, отнимая у православных приходов незаменимое средство для выполнения своего важного назначения. Тон соборного определения не оставлял сомнений в том,

что церковь не пожелала соглашаться с мнением власти и сохраняла за собой право выбора устраивающего ее положения.

Тяжелейшее «междоусобие» и постепенное нарастание кризиса власти способствовали большей консолидации и смене настроений членов Поместного собора. Предсоборный совет в проекте устройства Высшего церковного управления не предусматривал восстановления патриаршества. И при открытии Собора сторонников избрания патриарха насчитывалось гораздо меньше, нежели противников. Но все же поставленный на обсуждение вопрос о восстановлении патриаршества встретил широкую поддержку. Давая обоснование этому вопросу, епископ Митрофан напомнил историю: «Во все опасные моменты русской жизни, когда кормило церковное начинало крениться, мысль о Патриархе воскресала с особой силой... Время повелительно требует подвига, дерзновения, и народ желает видеть во главе жизни Церкви живую личность, которая собрала бы живые народные силы»⁴⁸. Вопрос о восстановлении патриаршества принимал особую остроту в условиях, когда государство открыто разрывало союз с церковью, которая должна стать «воинствующей и иметь духовного вождя». Противники настаивали на несовместимости соборности и единовластия, на преимуществах коллегиальности, объединяющей различные по силе таланты и дарования перед единоличной властью. Сторонники на примере допетровской Руси указывали на глубокую внутреннюю связь между духовным ликом страны и патриаршеством, упразднение которого считали бедствием для церкви.

Октябрьская революция и вооруженное противостояние послужили мощным стимулом решения вопроса, соответствующее постановление было принято 30 октября (12 ноября). Процедура избрания предлагалась следующая: при первом туре голосования подаются записки с именем предполагаемого кандидата в патриархи. При условии, если один из кандидатов наберет абсолютное большинство голосов, он считается избранным. Если никто из кандидатов не получит больше половины голосов,

голосование проводится во второй раз, но уже подаются записки с именами трех предполагаемых лиц. Получивший большинство голосов считается избранным в кандидаты. Голосование продолжается до тех пор, пока три кандидата не получают большинства голосов. После этого жребием должен быть избран патриарх.

На голосование были предложены кандидатуры архиепископа Харьковского Антония (Храповицкого), архиепископа Тамбовского Кирилла (Смирнова), митрополита Московского Тихона (Белавина), епископа Новгородского Арсения (Стадницкого), митрополита Киевского Владимира, архиепископа Кишиневского Анастасия, протопресвитера Г. И. Шавельского, архиепископа Владимирского Сергия (Страгородского), архиепископа Казанского Иакова, архимандрита Иллариона (Троицкого) и бывшего обер-прокурора А. Д. Самарина. Были выдвинуты три кандидатуры со следующим количеством голосов, поданных за них: архиепископ Антоний – 101, архиепископ Кирилл – 27, митрополит Тихон – 23. Но из-за отсутствия кворума голосование по кандидатурам было признано недействительным. 31 октября (13 ноября) после четырех туров голосования были утверждены кандидатуры: архиепископ Антоний – 159 голосов, архиепископ Арсений – 148, митрополит Тихон – 123 голоса. Первый – блестяще образованный и талантливый писатель, видный церковный деятель, сильный своими организаторскими способностями. Как наиболее достойный, именно он многим членам Собора виделся в сане патриарха. Второй имел многолетний церковно-административный и государственный опыт; умный и властный, он также был весьма перспективным кандидатом, но сам Арсений страшился патриаршего служения, в личных беседах высказывал нежелание быть патриархом и говорил, что много молился, чтобы жребий миновал его. О Тихоне говорили как о самом умном, строгом, справедливом и добром из иерархов русской церкви. Но мягкость его характера вызывала некоторое опасение: сможет ли он нести столь тяжкое бремя.

Вслед за решением, определившим три кандидатуры на патриаршество, 4 (17) ноября последовало еще одно: высшая церковная власть – законодательная, административная, судебная и контролирующая – принадлежит Поместному собору, созываемому периодически в составе епископов, клириков и мирян. Церковное управление возглавляется патриархом. 5 (18) ноября 1917 г. Патриархом Московским и всея Руси был выбран митрополит Московский Тихон, который в годину войны, смуты, междоусобия и нашествия иностранного, ослабления веры и неистовства безбожного духа принял на себя «великое и страшное служение». В «Слове при посещении Соборной палаты» от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. он сказал: «Мне отрадно войти в соприкосновение с людьми, близкими мне по духу и общей работе... Я, как первый Патриарх, являюсь плотью от плоти и костью от кости Собора. <...> Все мы отлично понимаем, среди каких обстоятельств восстановлено патриаршество. В тот день, который желали видеть многие, в тот день, который должен быть радостью для всей России, – в этот день вместе с радостью сочетается и скорбь относительно тяжелого положения нашей родины»⁴⁹. На высказанные на Соборе опасения, что восстановление патриаршества нанесет много вреда идее соборности и затенит Собор, патриарх Тихон ответил, что «не таковы теперь времена, не таковы обстоятельства, чтобы кто-либо, как бы велик он ни был и какую бы духовную силою ни обладал, мог нести тяготу единоличного управления Русской церковью. <...> Патриарху нечего и думать о том, чтобы получить власть и господствовать над Церковью. Нет, это ему не по силам. Благо Святой Православной церкви создается общей работой всех, общим сотрудничеством»⁵⁰.

13 (26) ноября 1917 г. Собор начал обсуждение вопроса о правовом положении церкви в государстве. Соответствующую декларацию об отношениях сторон составил С. Н. Булгаков. Отделение церкви от государства он сравнивал с положением, «чтобы солнце светило, а огонь не согревал». Церковь по внутреннему закону не может отказаться от «призвания

просветлять, преображать всю жизнь человечества, пронизывать ее своими лучами. В частности, и государственность она ищет исполнить своим духом, претворить ее по своему образу»⁵¹. Указывая на изменение государственного устройства, когда по воле Провидения рушится царское самодержавие, а на смену ему идут новые государственные формы, РПЦ не имеет намерения определять их политическую целесообразность и неизменно стоит на понимании христианского служения всякой власти. Вот почему государство само должно охранять первенство ее в России.

Определение о правовом положении в государстве Православной российской церкви с малыми изменениями повторяло проект, принятый Предсоборным советом. Но некоторые его статьи к моменту голосования стали анахронизмами, не соответствовавшими условиям и формирующимся конституционным основам Советского государства, поэтому вряд ли могли быть претворены в жизнь, хотя положение о самостоятельности церкви в вопросах веры и независимости во внутренних делах на основании догматического учения и канонов оставалась незыблемой.

Всего состоялось три сессии Поместного собора: первая 15 (28) августа – 9 (22) декабря 1917 г., вторая 20 января (2 февраля) – 20 апреля 1918 г. и третья 2 июля – 20 сентября 1918 г. С приходом к власти большевиков появились значительные препятствия в его работе. В связи с началом Гражданской войны на заседания второй сессии Собора смогли прибыть только 110 членов. Это число не обеспечивало необходимого кворума для прохождения решений, поэтому было принято особое постановление, согласно которому заседания должны были проводиться при любом количестве присутствующих членов. В ответ на действия властей многие соборные решения и постановления приобретали обороняющий, защитный характер.

Итогом первой сессии стало избрание патриарха, восстановление принципа соборности и принятие определения «О правовом положении Православной Церкви Российской». Продолжалась работа отделов по другим

вопросам, но их рассмотрение и принятие по ним решений было отложено до окончания рождественских каникул.

Наиболее важная тема второй сессии – устройство епархиального управления. Докладчиком еще до перерыва в работе Собора выступил профессор А. И. Покровский. Был установлен 35-летний возрастной ценз для кандидатов в архиереи. По определению «О епархиальном управлении» епископы должны избираться из монашествующих или безбрачных лиц белого духовенства и мирян, для тех и других обязательно облачение в рясофор, если они не принимают пострижения в монашество. Управление епархией архиерей, согласно определению, осуществлял при содействии епархиального собрания, избираемого из клириков и мирян на три года. Епархиальные собрания также имели свои исполнительные органы: епархиальный совет и епархиальный суд.

15 апреля 1918 г. было вынесено определение «О викарных епископах». Первый его пункт гласил: «Существующие ныне епархии подлежат сокращению в своих пределах. Существующие викариатства, где к тому представляется возможность, постепенно преобразовываются в самостоятельные епархии»⁵². Но таковая возможность рассматривалась пока применительно к четырем полусамостоятельным викариатствам – Сарапульско-Елабужскому, Уральско-Николаевскому, Великоустюжскому и Челябинскому. Новизна принятого решения состояла в выделении части епархии в самостоятельное ведение викарных епископов, титуляция которых определялась их местопребыванием в каком-либо городе.

Детально разработан и принят Собором и «Приходской устав». В основу приходской жизни закладывался принцип служения. Приход – общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющем часть епархии и находящемся в каноническом управлении епархиального архиерея, под руководством поставленного священника-настоятеля. Главной обязанностью прихода признана забота о благоустройстве храма. В состав

номинального прихода причта входили священник, диакон и псаломщик, увеличение или сокращение его предоставлялось на усмотрение архиерея, который рукополагал и назначал клириков⁵³. Прихожане, согласно «уставу», избирали церковных старост, которые занимались приобретением, хранением и употреблением храмового имущества. Для решения дел, связанных с содержанием храма, обеспечением клириков и избранием должностных лиц прихода, не реже двух раз в год созывалось приходское собрание. Постоянным исполнительным органом был приходской совет, в который входили клирики, церковный староста и несколько мирян. Председательство в обоих органах предоставлялось настоятелю храма.

Множество споров и обсуждений возникло при обсуждении вопроса о единоверии. Отдел старообрядчества и единоверия так и не смог выработать согласованного проекта, поэтому обсуждению Собора были предложены два разных доклада. В результате обсуждений было выработано компромиссное решение об учреждении пяти единоверческих викарных кафедр, которые все же находились в подчинении епархиальных архиереев.

В ходе работы третьей сессии было принято определение «О монастырях и монашествовавших», разработанное в отделе под председательством архиепископа Тверского Серафима. Возрастной ценз для монашеского пострига устанавливался не менее 25 лет, для более раннего пострига послушника требовалось разрешение епархиального архиерея. Определение восстанавливало обычай избрания настоятелей и наместников братией. Избрание одобрял епархиальный архиерей, а утверждал Святейший синод. Подчеркнул Собор и преимущество общежительства перед осожительством, монастырям рекомендовалось введение именно общежительного устава. Монастырскому населению предписывалось несение трудовой повинности. Главной заботой настоятелей и братии было признано строго уставное богослужение. Духовно-просветительское служение монастырей должно было выражаться именно в уставном богослужении,

духовничестве, старчестве (в каждой обители желательное присутствие старца или старицы для «духовного откормления» насельников) и проповедничестве.

Длившиеся более года заседания Собора не исчерпали всей его программы, некоторые отделы не завершили выработку докладов и не представили их на обсуждение. Но, несмотря на это, уже к концу 1917 г. Собором были приняты основополагающие постановления, которые регламентировали внутреннее устройство, жизнь и деятельность РПЦ. Немалая роль в том, что Собор состоялся и выработал эти документы, принадлежала Временному правительству. Министр исповеданий А. Карташев считал, что «все другие деяния Временного правительства погибли и рассеялись как дым. И только одно его дело: внутреннее освобождение церкви, даже под внешним порабощением большевиков, устояло. Под эгидой Временного правительства и с его помощью Русская Православная Церковь вернула себе присущее ей по природе право самоуправления по ее каноническим нормам»⁵⁴.

Во-первых, восстанавливалась соборность и были приняты новые уставы соборной структуры церкви от патриарха и учреждений патриархии до монастырей и самоуправляющихся приходов с предоставлением на всех уровнях широкой инициативы снизу и выборного начала. Поместный собор утверждался высшим органом власти, периодически созываемым патриархом. Будучи первым среди равных в высшей церковной иерархии, патриарх председательствовал на Соборе, сессиях Священного синода и заседаниях Высшего церковного совета.

Синод должен был состоять из 13 членов. Патриарх и митрополит Киевский входили в него как постоянные члены, еще 6 архиереев избирались соборами на трехлетний срок и 5 вызывались Синодом из епархий на год. В ведение Священного синода находились «дела иерархическо-пастырского характера, относящиеся преимущественно ко внутренней жизни Церкви из области: вероучения, богослужения, церковного просвещения, церковного управления и церковной дисциплины»⁵⁵.

Высший церковный совет возглавлялся, как и Синод, патриархом. В него входили 15 членов, из которых 3 архиерея делегировались Синодом, а 1 монах, 5 клириков из белого духовенства и 6 мирян избирались Собором. Высший церковный совет занимался делами церковно-общественного порядка и вопросами социального характера, относящимися ко внешней стороне церковной жизни, из областей церковной администрации, церковного хозяйства, школьно-просветительской, ревизии и контроля, юристконсульской и благотворительной.

Ведению совместного присутствия Священного синода и Высшего церковного совета подлежали дела смешанного характера или наиболее важные. Первым пунктом перечня наиболее важных дел были записаны «дела по защите прав и привилегий Православной Российской церкви»⁵⁶, кроме того, вопросы подготовки к соборам и открытия новых епархий. Синод и Высший церковный совет работали между соборами, ограничивая единоличную власть патриарха.

Права и обязанности патриарха определялись следующим образом: сношение с автокефальными церквями по вопросам церковной жизни, представление и отстаивание интересов православной церкви перед государственной властью, подача архиереям братских советов, касающихся их личной жизни и исполнения ими архипастырского долга, прием жалоб на архиереев и соответствующее на них реагирование⁵⁷.

Вводилось и дисциплинарное воздействие на патриарха вплоть до отрешения от престола в случае нарушения им прав и обязанностей его служения. Решение об ответственности патриарха принималось объединенным заседанием Синода и Высшего церковного совета, предание суду и суд над ним должен был «совершаться Всероссийским собором епископов с приглашением по возможности других патриархов и предстоятелей автокефальных церквей»⁵⁸. Для предания суду и для обвинительного приговора требовалось не менее двух третей наличных голосов. Патриаршие правомочия переходили в этом случае совету архиереев

в полном составе. На случай невозможности созыва Собора патриарху давалось право единоличного управления церковью.

Административно церковь делилась на пять митрополичьих округов во главе с митрополитом. Округа делились на епархии. Пять ежегодно сменяемых членов Синода представляли митрополичьи округа.

Во-вторых, был принят принцип выборности духовенства от низшего до высшего с одной оговоркой в свете происходивших событий. Епархия лишалась права избрать себе епископа в случае насилия над епископом и в случае его насильственной смерти.

Вызвал опасение членов Собора и возможный выбор священниками малообразованных людей и недоучек. По этому поводу была внесена поправка о том, что избрание и назначение на священство и церковно-служительские должности принадлежит епархиальному архиерею, который при выборе учитывает и те кандидатуры, о которых ходатайствует приходское собрание.

В-третьих, восстанавливалась автономия и внутренний демократический строй жизни монастыря. На последние возлагались функции церковного просвещения и обучения. Накануне соборов предлагалось проводить съезды представителей монастырей для сотрудничества и взаимодействия между обителями.

В-четвертых, расширялись права женщин, которые могли принимать участие в работе приходских советов и собраний, благочиннических и епархиальных собраний, занимать должности в епархиальных просветительских, благотворительных, миссионерских и церковно-хозяйственных учреждениях, кроме благочиннических и епархиальных советов и административных и судебных учреждений.

В связи с возникшими недоразумениями, осложнениями и просто трудностями толкования соборных решений в ходе работы Поместного собора было принято решение о привлечении его членов к участию в епархиальных и благочиннических съездах, где будут организовываться разного рода органы епархиального управления. Проведение подобных действий возлагалось на

епархиальных архиереев. Митрополит Владимирский и Шуйский Сергей (Страгородский) «в целях наиболее широкого использования добытой нашими представителями на Соборе опытности и осведомленности» в обращении от 17 апреля 1918 г. предложил Владимирской духовной консистории обсудить вопрос о включении члена Собора представителя епархии иеромонаха Афанасия (Сахарова) в предсъездную комиссию и на сам съезд⁵⁹. Съезд должен был приступить к созданию в соответствии с соборными решениями органов епархиального управления.

В целях более планомерной и основательной подготовки съезда 18 мая 1918 г. Церковно-епархиальный совет г. Владимира направил письмо настоятелю Юрьевского Архангельского монастыря с просьбой препроводить настоятелям монастырей Космина, Золотниковой пустыни, Николо-Шартомского «Порядок избрания представителей от монашествующих на Епархиальное собрание». Для направления представителей на епархиальное собрание было рекомендовано провести собрание уполномоченных монастырей, на котором всесторонне обсудить программу собрания и выработать собственную позицию по наиболее значимым программным вопросам.

Владимирское экстренное епархиальное собрание проходило 12–15 июня 1918 г. В нем приняли участие члены Собора: протоиереи Н. А. Преображенский, В. Г. Добронравов, Н. В. Малицкий, А. Н. Овсянников, А. В. Авдеев, архимандрит Александр и иеромонах Афанасий. Кроме того, в работе собрания участвовали и представители местной советской власти Туркин и Гуцев. На первого возлагались функции наблюдателя за соответствием обсуждаемых вопросов заявленной программе съезда, за тем, чтобы не велась антисоветская пропаганда, принимаемые решения не затрагивали область политики и ограничивались внутрицерковными вопросами. В протоколе собрания было отмечено несколько реплик Туркина, высказанных им в ходе обсуждения тех или иных вопросов. Но предложения, сделанные в соответствии с программными

установками большевистской партии, для делегатов были неприемлемы и нередко воспринимались как оскорбления⁶⁰.

Открывая собрание, митрополит Владимирский и Шуйский Сергей отметил главную его особенность, заключающуюся в совместной работе духовенства и мирян. На первом же заседании был представлен доклад о введении в жизнь соборных постановлений, об епархиальном управлении и приходе и созданы комиссии: 1) об епархиальном собрании, епархиальном архиерее и по вопросу его содержания, ревизионном комитете; 2) о духовно-учебных заведениях (судьба их в ближайшем будущем, финансовые вопросы); 3) по свечному заводу; 4) по епархиальным благотворительным учреждениям; 5) по реорганизации совета братства Святого князя Александра Невского и миссии его в епархии; 6) по вопросу о местном страховании церквей; 7) по вопросу обеспечения духовенства; 8) ревизионная комиссия.

Руководством для собственных действий епархиальное собрание, а затем и избранные им органы епархиального управления брали исключительно соборные определения, ни в одном случае не шла речь о соответствии советскому законодательству, несмотря на более чем полугодовое существование советской власти. В 1918 г. съезды костромского духовенства и мирян уже не созывались, да и результативность Владимирского съезда была незначительна. Православная церковь была поставлена в такие рамки, что реализация соборных решений наталкивалась на непреодолимые, совершенно не зависящие от священнослужителей и верующих препятствия.

Таким образом, вступив в 1917 г. обезглавленной, синодальной, государственной церковью, на его исходе РПЦ обрела самостоятельность в демократическом государстве, законодательно закрепившем принцип свободы совести. На пути дальнейшего отделения церкви от государства православие утратило положение государственной религии и получило равные с другими вероисповеданиями права. Поскольку традиционные государственно-церковные связи еще не были нарушены, правительство не

желало потерять окончательно свое верховенство и, отказав православной церкви в юридической свободе, оказывало ей существенную материальную поддержку. Процессы демократического обновления внутри церкви реализовывались в решениях Поместного собора, создавшего иную, более приспособленную к историческому моменту структуру церковной власти.

Церковь усилила свои позиции за счет объединения вокруг патриарха разных ее течений. В последующие годы «канонический строй свободного, соборного самоуправления... имел и чрезвычайно утилитарное значение. Он ее спас, насколько это было возможно среди наступившей катастрофы от грозившего ей глубокого и внутреннего, и внешнего распада. Новая «конституция» церкви – соборные решения о приходе как самоуправляющейся единице, выборных органах епархиального управления, выборном епископате и высших органах церковной власти приобрели такое значение, что при их отсутствии гонение, воздвигнутое на церковь коммунизмом, кроме тех внешних потрясений, которые отсюда произошли, грозило бы и внутренне свести ее почти на нет как организацию»⁶¹. Чутко реагируя на смену общественных настроений, духовные настроения и запросы человека, Собор принял решения, которые стали основой церковного строительства и жизни на десятилетия вперед.

Глава 2. Государственная и партийная политика в отношении религии и церкви в годы Гражданской войны

Октябрьская революция и приход к власти большевиков российское общество встретило неоднозначно. Число безоговорочных сторонников носителей власти и их идейной платформы росло столь же стремительно, как и число противников. Намерение не оставить камня на камне от старого мира радовало одних и очень смущало других. Изменения должны были затронуть все без исключения сферы жизни. «Революционная волна, превратившаяся в бурный поток, захлестнула в своем водовороте и основную святыню русского народа – его веру и церковь, – такую оценку последствиям для РПЦ октябрьских событий давал «Костромской церковно-общественный вестник». – Своим бурным течением она стремится их выкинуть за борт государственной и общественной жизни как лишний балласт народного духа, как вредный элемент, засоряющий его сознание»¹.

В статье «Социализм и религия» еще в 1905 г. В. И. Ленин изложил принципы государственно-церковных отношений так, как их понимала новая политическая элита:

- религия не должна быть связана с государственной властью;
- каждый может исповедовать любую религию, не исповедовать никакой или быть атеистом;
- различия по вероисповедному признаку и всякое официальное упоминание религии отменяется.

Только последовательное выполнение этих требований до конца «может покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви»². В 1918 г. подавляющее большинство их легло в основу декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Но конкретного плана, детально описывающего мероприятия по разрушению религиозных верований и борьбе с религией, у

большевиков не было. Задачи текущего момента, общественно-политическая обстановка в стране, конкретные ситуации и складывающиеся обстоятельства зачастую определяли характер взаимоотношений государства и церкви.

Противостояние началось буквально с первых дней. Обстрел кремлевских храмов в ходе Московского восстания послужил почвой для осуждения действий революционных масс. В воззвании Собора от 11 (24) ноября 1917 г. говорилось о великих бедствиях, постигших Россию, которая рушится от беснующегося безбожия, о том что страну охватила кровавая междоусобица. Наступило всеобщее затмение совести и разума, «открыто проповедуется борьба против веры Христовой, противление всякой святине и самопревознесение против всего, называемого Божьим»³. Властители, видящие основание своей власти в насилии одного сословия над другим, были названы изменниками и предателями России и ее союзников. Но деятели Собора признавали, что в данный момент другой более достойной и поистине народной власти в стране нет.

Положения, ограничивавшие права религиозных организаций, вошли уже в первые законодательные акты. Декретом «О земле» была объявлена национализация церковных и монастырских земель, «Декларацией прав народов России» отменены национально-религиозные привилегии и ограничения, декретом 12 (25) ноября «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» – сословные привилегии, в том числе и духовенства. 18 (31) декабря был аннулирован церковный и введен гражданский брак. РПЦ утратила права ведения метрических книг, которые передавались отделам актов гражданского состояния. В начале 1918 г. были упразднены должности духовников в армии. Правительственное распоряжение от 20 января (2 февраля) 1918 г. «О прекращении денежных выплат на нужды культов» лишило церковь материальной государственной поддержки. В массе своей принятые документы преследовали цель ограничить права и привилегии православной церкви. Власть видела в церкви идеологического противника,

весьма сильного экономически, которого следовало нейтрализовать прежде всего.

11 (24) декабря 1917 г. Совет народных комиссаров обсудил вопрос «О мерах по ускорению отделения церкви от государства». Была создана правительственная комиссия по разработке проекта декрета. В срочном порядке она начала работу. Но в число ее деятельных членов не вошли представители второй заинтересованной стороны – духовенства и верующих. Надеяться на то, что их интересы будут учтены, не приходилось. Спешка с подготовкой процесса отделения свидетельствовала о придаваемой ему значимости. В прессе появилась целая серия публикаций, призванных сформировать соответствующее общественное мнение и обеспечить поддержку при реализации положений декрета.

Реакция клира и мирян вполне определилась на стадии подготовки. Много надежд возлагалось на предстоящее Учредительное собрание. Как и планировалось, Поместный собор открылся и начал свою работу раньше него. 4 (17) декабря 1917 г. в Собор поступил рапорт от председателя шестого Макарьевского окружного духовного управления Костромской епархии о приговорах церковей уезда по вопросу отделения церкви от государства. Прихожане Тихвинской церкви села Ильинско-Заборское предлагали «отделение признать недопустимым и пагубным для церкви, школы и государства». Крестьяне села Успенское, «сознавая, что через отделение... Православная церковь должна находиться в состоянии гонения и вера... попирается, решительно все постановили просить Учредительное собрание не отделять церкви от государства и школы от церкви»⁴.

Впервые позицию в отношении Учредительного собрания Костромской епархиальный съезд определил в августе 1917 г. Были сформулированы две возможные модели поведения. Первая – призывать крестьянство голосовать за кандидатов любых партий, но с требованием в дальнейшем выступать против отделения церкви от государства. Вторая – провести собственных представителей, которые и выразят соответствующую позицию в решении

церковного вопроса. Комиссия съезда выработала послание к окружным собраниям, где подчеркивалось, что представительство должно возлагаться на людей достойных и строго религиозных. Именно они, поддерживая все меры к улучшению жизни, на первое место все же поставят защиту интересов церкви. К обращению прилагался примерный список претендентов и высказывалась надежда на возрастание их числа. Но сведения о возможных кандидатах получить не удалось, поэтому комиссия отказалась от намерения выставить собственный список. Любой подобный перечень следовало рассматривать как предлагаемый отдельными безответственными лицами, известными «враждебным отношением ко всему прогрессивному духовенству»⁵.

Из многообразия партийных программ по религиозному вопросу интересам священнослужителей и верующих епархии отвечала только кадетская. Они не требовали отделения церкви от государства, а их предложения почти полностью совпадали с решениями Всероссийского съезда духовенства и мирян.

По Костромской губернии было составлено несколько избирательных списков, в том числе и совершенно независимый список № 5 – Объединенное духовенство и миряне. В нем значились 7 человек: Николай Дмитриевич Кузнецов, проживавший по адресу Москва, Неглиная улица, дом 5; Михаил Николаевич Дурново – Кострома, Никольская улица, дом 27; Николай Михайлович Соловьев – Кострома, Нижняя Дебря, дом 6; Вениамин Сергеевич Преображенский – Москва, Петропавловская гимназия; Николай Аркадьевич Вознесенский и Иван Феоктистович Иорданский – делегаты Церковного собора; Степан Николаевич Прянишников – Кострома, улица Калиновская, дом 8⁶.

В лице Поместного собора РПЦ отказалась признать законным переход власти в руки большевиков, игнорировала принимаемые постановления и действовала в соответствии с собственными канонами и нормами. В ответ на декрет «О земле» 23 ноября (6 декабря) 1917 г. юридическое совещание

Собора высказало мнение о невозможности придавать ему решающее значение. Поскольку «окончательное определение судьбы имуществ, принадлежащих церкви и церковным учреждениям, будет зависеть от Учредительного собрания, при осуществлении декрета возможны не только недоразумения, но и прямые нарушения церковного интереса»⁷. Заявления о несанкционированном захвате церковного имущества начали поступать с ноября 1917 г. Обсуждались они почти ежедневно, реакция была гневной и однозначно отрицательной. Члены Собора 12 (25) декабря 1917 г. призывали верующих «не отдавать добровольно захватчикам святого достояния церкви во всех его видах, кому бы то ни было, но оберегать его. На насильственные требования кому бы то ни было выдачи того или иного имущества настоятели храма или обители должны отвечать отказом с обращением к насильникам с соответствующим словом вразумления»⁸. Обо всех подобных случаях следовало докладывать архиепископу, а при особых обстоятельствах грабителей и захватчиков епархиальные архиереи могли отлучать от церкви. Аналогичные меры надлежало применять и в случаях насилия прихожан над священнослужителями. Был составлен проект воззвания, в соответствии с которым решительно несправедливым называлось «насильственное отобрание и захват для государства монастырей и церковных земель, имущества, хозяйства, капиталов и священных драгоценностей»⁹. Строгому суду и отлучению следовало предавать тех, кто дерзнет отбирать у церкви ее достояние. Несмотря на всеобщее одобрение, издание постановления приостановилось, но не по причине возникшего желания следовать декретам, а в связи с выходом патриаршего послания подобного содержания.

2 (15) декабря 1917 г. Собор принял важнейшее определение «О правовом положении Православной Российской Церкви», пункты которого при самом оптимальном раскладе вступали в серьезное противоречие с определяемыми властью принципами государственно-церковных отношений. За православием сохранялось положение первенствующей в государстве церкви, наделенной всеми правами юридического лица, независимой в учении

веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплине и в отношениях с другими автокефальными церквями. Провозглашалась самостоятельность в делах церковного законодательства, управления и суда, признание государством за постановлениями и узаконениями РПЦ юридической силы и значения. Все государственные законы, касающиеся церкви, могли быть изданы по соглашению с ней. Глава государства, министры исповеданий и просвещения, согласно определению, должны быть православного вероисповедания, имущество не подлежащим конфискации. Духовенство освобождалось от воинской повинности¹⁰.

Разгон Учредительного собрания усугубил тревоги по поводу судьбы РПЦ и перспектив ее отделения от государства. Высказывались мнения, что осуществление будущего декрета грозит церкви большим горем и страданиями. Ускорившаяся работа по его подготовке расценивалась как шантаж.

К началу года проект декрета был готов и после некоторых поправок, внесенных В. И. Лениным, принят 20 января (2 февраля) 1918 г. Декрет провозглашал отделение церкви от государства и школы от церкви и свободу совести. Отменял обязательную религиозную клятву и присягу, религиозные обряды и церемонии в действиях «государственных и иных публично-правовых общественных установлений». Церковные и религиозные общества лишались права владеть собственностью. Все имущество существующих обществ объявлялось государственной собственностью и могло передаваться им в бесплатное пользование по распоряжениям местной или центральной государственной власти. Религиозные общества имели равные права с другими частными обществами и союзами и не обладали правами юридического лица. Устанавливая независимое положение государства и церкви, декрет тем не менее не вводил равенства, а закреплял преимущества государства и ограничения в жизни и деятельности церкви.

Неприятие антирелигиозной политики большевиков нашло свое отражение в патриаршем послании от 19 января (1 февраля) 1918 г. Патриарх

Тихон оценивал происходящее в стране как жесточайшее гонение на православную церковь: «...благодатные таинства ее, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются разрушению через расстрел из орудий смертоносных... или ограблению и кощунственному оскорблению; чтимые народом обители святые... захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержавшиеся на средства Церкви православной и подготовлявшие пастырей церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности. <...> Власть, обещавшая водворить порядок на Руси, право и правду, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и в частности – над святою Церковью православной»¹¹. Патриарх предавал анафеме ответственных за бедствия народные «извергов рода человеческого», носящих имена христианские и по рождению принадлежащих к Православной церкви. Верующих призывал объединяться в духовные союзы и встать на защиту оскорбляемой и угнетаемой церкви, противопоставить ее врагам силу веры и силу «...народного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению народного разума, ибо действуют они прямо против совести народной»¹².

Собор поддержал позицию патриарха и предложил выдвинуть перед властью жесткие, вплоть до ультимативных, требования по отмене декрета или хотя бы пересмотру ряда его параграфов. В соборном постановлении от 25 января (7 февраля) по поводу декрета Совета народных комиссаров указывалось, что им «узаконяется открытое гонение как против церкви православной, так и против всех религиозных обществ христианских и не христианских... Враги Христовы лицемерно надевают на себя личину ревнителей полной религиозной свободы... Действием же декрета свобода

Церкви православной, а равно и свобода всех вообще религиозных союзов и общин превращается в ничто. Под предлогом отделения церкви от государства СНК пытается сделать невозможным самое существование церквей, церковных учреждений и духовенства. <...> Пусть же поймет православный народ, что его хотят лишить храмов Божьих с их святынями»¹³. Собор постановил карать вплоть до отлучения всякое участие в издании декрета и попытках провести его в жизнь, как несовместимое с принадлежностью к православной церкви.

Большевистская печать воззвание патриарха назвала контрреволюционным, призывающим население к переходу в лагерь противников власти Советов для последующего ее свержения. Раздавались призывы прекратить разгул контрреволюции, арестовать патриарха Тихона и закрыть работу Поместного собора. Мнения других партий по поводу принятия декрета и изменения положения церкви в России разделились.

Кадетская газета «Наш век» в ответ на анафему патриарха писала: «Война открыта. Суровая, беспощадная, как все религиозные войны. Вокруг церкви начнут собираться не только “верные чада”, свято почитающие церковь как мистическое тело Христово, но и чисто политические элементы»¹⁴. В местные комитеты поступило указание ЦК кадетской партии – принимать активное участие в защите церкви, подготавливать выступления с разъяснением подлинного смысла декрета, участвовать в создании и работе всех церковных организаций, выступая против осуществляемого поругания народной души. Звучали заявления, что чаша испытаний переполняется, и только твердость духа и сила веры могут спасти Россию. Подлинный смысл декрета, по мнению кадетов, заключался в наступлении на христианскую веру и церковь, жестком ограничении ее деятельности до тех пор, пока она не прекратит свое существование.

Меньшевики считали, что предшествующая принятию декрета работа недостаточна и плохо подготовлена в идейном плане. Они заявляли, что декрет – мера преждевременная и осуществлен он не будет. На этом основании

предлагали отказаться от взаимных упреков, укоров и партийных делений и «всем церковно и государственно мыслящим слоям общества идти к величайшему единению в дружной работе на спасение России, на борьбу с ее врагами и предателями, губящими ее своими опытами социалистического устройства, гонением на церковь и веру, с явными стремлениями обратить русский народ в зверя – обезверить его и обездушить»¹⁵.

Эсеры, напротив, дали декрету «Об отделении церкви от государства» оценку крупного и необходимого шага на пути коренного социально-политического преобразования страны. Декрет, по их мнению, не новшество, а последовательное проведение начал свободы совести и мысли, признаваемых всем человечеством. Советская власть предоставляет религиозным обществам «те блага свободы, которых церковь до сих пор была совершенно лишена»¹⁶. Одно из самых крупных достоинств декрета эсеры видели в отделении школы от церкви и становлении светской системы образования, освобожденной от церковного давления. Но под влиянием крестьянского неприятия проводимой большевиками политики, в том числе и религиозной, с течением времени эсеровская позиция изменилась.

Уже 23 января (5 февраля) 1918 г. нарком НКВД Лацис спустил на места инструкцию следующего содержания: ввиду декрета «предписывается всем Советам, впредь до особых инструкций, взять все имущества существующих в России церковных, религиозных обществ под строжайший контроль»¹⁷. Во исполнение инструкции Владимирский губисполком передал Успенский кафедральный собор в ведение Губмузея, разрешив в нем богослужения исключительно только в силу особого религиозного значения храма.

Против декрета и за смягчение хотя бы ряда его статей выступали Главный совет общества «За Россию» и правление Московского кружка обновления флота¹⁸. Причт и представители приходов г. Петровска Ярославской губернии на собрании 21 февраля 1918 г. свидетельствовали перед Священным собором о «сыновней преданности Святой православной церкви и готовности охранять святые храмы от посягательства на захват со

стороны неверующих, святыни от осквернения, пастырей своих поддерживать, своих детей воспитывать в учении Христовом»¹⁹. Церковно-благотворительное братство при Покровском монастыре г. Углича, возмущенное грубым насилием над свободой совести, обращалось к патриарху и «смирнейше испрашивало святых молитв и благословения стоять до смерти за веру Христову и церковное достояние»²⁰. Свою готовность встать на защиту церкви выразили и приходские советы, прихожане г. Костромы. Считали декрет неприемлемым и готовы были «пострадать за веру православную» прихожане Нерехтского уезда Костромской губернии; 14 приходов Вязниковского уезда Владимирской епархии в количестве 17 тысяч человек обещали патриарху оказать поддержку в борьбе с врагами²¹. Писем и телеграмм подобного содержания поступало огромное множество и в адрес Поместного собора, и в адрес патриарха Тихона.

Обсудив по пунктам декрет об отделении церкви от государства, 11 приходских советов Юрьеvecкого округа Костромской губернии 6 февраля 1918 г. высказали свое несогласие с ним и выдвинули контрпредложения, созвучные соборному определению. Отделение они сочли нежелательным, указывая, что государство должно оказывать церкви покровительство, защиту и материальную помощь, не вмешиваясь во внутреннее управление²²; требовали, чтобы главой государства было лицо православного исповедания, чтобы действия государственных и общественных организаций по желанию народа могли сопровождаться религиозными обрядами и церемониями, чтобы РПЦ было предоставлено право свободного их отправления, приходам и епархиям – права собственности и права юридического лица, а принадлежащему церкви имуществу – неприкосновенность.

Исполнительный комитет Юрьеvecкого совета депутатов в начале 1918 г. представил Костромскому губкому краткие сведения о состоянии дел в уезде, в которых упоминалась проводимая духовенством, торговцами и кулаками пропаганда. Подчеркивалось, что «попы недовольны декретами об отделении церкви от государства и преподавании Закона Божия, в школе вели

и ведут по поводу их черносотенную пропаганду»²³. При этом население не позволяло себе лишнего, хулиганских выходов по отношению к церкви и священнослужителям не было. Отрицательное отношение духовенства к декрету и проводимую им против декрета пропаганду отмечали и руководители Нерехтского совдепа.

Призыв патриарха создавать духовные союзы для защиты православной веры и церкви попал на благодатную почву и был услышан верующими. В феврале 1918 г. в г. Кинешме Костромской губернии общее собрание приходских советов приняло решение о создании объединенного братства приходских советов, которое должно было выполнять функцию защиты церкви²⁴. Подобные задачи ставились в первую очередь перед уже существовавшими епархиальными собраниями и приходскими советами, а также перед вновь создаваемыми братствами и «дружинами крестовых братьев и сестер». Общее собрание прихожан храма Всемилоуистого Спаса г. Шуи Владимирской губернии 28 января (10 февраля) 1918 г. подчеркивало, что вера как проявление внутреннего духа и совести не должна в свободном государстве подлежать никаким ограничениям²⁵, и постановило объединиться для защиты храма и организовать крестный ход для сплочения и демонстрации своей позиции. Сходной деятельностью по организации «дружин крестовых братьев и сестриц», объединявших круг лиц от 18 до 40 лет, прославился архиепископ Костромской и Галичский Евдоким (Мещерский).

Длительность существования подобных организаций целиком зависела от местных органов власти. При слишком частой организации массовых крестных ходов, набатных звонов, изнесений икон, которые могли использоваться для антисоветской агитации и пропаганды, деятельности этих организаций признавалась излишней, они прекращали свое существование.

Временный управляющий Костромской епархией Севастиан (Вести) епископ Кинешемский в письме патриарху в феврале 1918 г. об устанавливаемых отношениях церкви и государства писал, что, ожидая защиты церкви от государственной власти, русский народ не может видеть в

лицах, принявших на себя эту власть, истинных ее носителей, поскольку они выступают врагами церкви Христовой. Верующие должны быть готовы не только оказать ей поддержку, но и понести на ее нужды и свои материальные средства²⁶. В определенной мере слова епископа оказались пророческими. Группы верующих, заключая договоры с местными органами советской власти о передаче им во временное пользование церковных зданий, брали на себя все расходы по их содержанию, ремонту, страхованию и т. д. По мере осуществления декрета стали очевидны нарушения его принципов и законности, когда представители органов власти, не считаясь с мнением и выражением воли подавляющего большинства населения, выносили иконы из общественных зданий, молитвенных домов, домовых церквей. В некоторых деревнях крестьяне давали взятки: за лики Христа – 25 рублей, за лики Богородицы меньше.

В связи с ситуацией, сложившейся в государственно-церковных отношениях, 25 января (7 февраля) Собор принял решение о введении должности местоблюстителя Патриаршего престола на случай болезни, смерти и др. Среди мотивов принятого решения не последнюю роль, вероятно, сыграло и непримиримое отношение коммунистической идеологии и советской власти к самому факту существования религии в условиях социалистического государства. По мнению М. Шкаровского, «основная доля ответственности за ухудшение отношений с Патриархией лежит на Совнаркоме. Его соответствующие мероприятия основывались на двух предпосылках: мировоззренческой несовместимости марксизма с религиозной верой и отношении к церкви как союзнице царизма, а после свержения самодержавия – эксплуататорского строя»²⁷.

Надежды на быстрое и относительно безболезненное воплощение декрета в жизнь не оправдались. Проведение отделения церкви от государства с первых дней встретило активное противодействие и сопротивление со стороны верующих и духовенства. 15 февраля 1918 г. в кафедральном соборе г. Костромы состоялся митинг, на котором с речью на тему отделения церкви от государства выступил М. Н. Дурново. В речи прозвучали фразы: «У нас сейчас нет власти. Насильники большевики обирают церковь. Нам, может быть, придется защищать с оружием в руках, но мы должны сначала воздействовать религиозными чувствами»²⁸. Призыв защитить церковь прозвучал в соборе вновь

через несколько дней. С. И. Травин перед собравшимися в количестве около 400 человек призвал граждан: «Защитите свое достояние, станьте на защиту гонимой церкви. Кучка людей, именующих себя народными комиссарами, посягает на церковь, расхищая и отнимая у нее все достояние»²⁹. И Дурново, и Травин были арестованы по обвинению в призывах к погромам. Обвинение не подтвердилось, арестованные были освобождены, преследование прекращено. Но критика религиозной политики советской власти в целом и декрета в частности, расцениваемая как антисоветская пропаганда, со стороны духовенства и верующих не прекращалась, все больше набирая обороты. 20 февраля «Советская газета» писала о митинге буржуазии и духовенства в Дворянском собрании г. Костромы на тему отделения церкви от государства. Выступавшие кадет Огородников и миссионер Дьяконов говорили о несвоевременности осуществляемых мер. В феврале в газету «Утро России» из города поступило сообщение о многолюдном собрании мирян, выступавших с критикой декрета. В нескольких церквях – Покровской, Богословской, Космо-Дамиановской, Борисоглебской и Спасо-Преображенской – имели место печальные недоразумения, закончившиеся без особых последствий для рискнувших выступить и изгнанных из храмов большевиков. Священнослужители «вступались за них, старались успокоить массу, дабы не превратить храм в арену кровавой расправы. Впрочем, в Борисоглебской церкви успокоить взволнованных прихожан не удалось. Выступавшего здесь члена губернской земской управы Скороходова сильно побили»³⁰.

В Верхнем Поволжье акции протеста в начале 1918 г. прошли в Воздвиженской церкви в г. Иванове, Воскресенском соборе в г. Шуе, Благовещенской церкви в г. Кинешме, в церкви Даниила Столпника в г. Переславле, в церкви Иоанна Богослова в г. Ярославле, в Архангельской церкви в г. Костроме, в Николо-Кремлевской церкви в г. Владимире. Священник г. Кинешмы, председатель собрания приходских советов Н. Юницкий был удостоен грамоты патриарха, в которой говорилось: «...с благодарением принимаем Вашу готовность встать на защиту попираемых ныне прав нашей Матери-церкви»³¹.

29 марта 1918 г. за контрреволюционное направление был закрыт журнал «Костромской церковно-общественный вестник». Арестованы ВЧК: архиепископ Костромской и Галичский Серафим Мещеряков), преподаватель духовной семинарии и редактор журнала П. Д. Иустинов, второй редактор священник Н. Бобровский. Верующие обратились к патриарху с просьбой ходатайствовать об освобождении их от ареста и передаче на поруки сослуживцам. Решение местных властей о высылке Иустинова и Бобровского повергло верующих в шок, из Костромы в Собор шли телеграммы с криками о помощи³².

К предстоявшему 4 июня 1918 г. съезду духовенства Ярославской губернии было подготовлено направленное против действий Советов воззвание, а в программу съезда были включены политические вопросы. На

совещании председателя административного отдела губисполкома Большакова с митрополитом Ярославским и Ростовским Агафангелом и представителями духовенства под угрозой неразрешения властей открыть съезд последние согласились снять с повестки дня политические вопросы, оставив только вопросы внутрицерковной жизни³³.

Самая быстрая реакция противников отделения церкви от государства последовала на объявление церковного имущества государственной собственностью. Официальной передаче его в руки местных органов власти предшествовали самочинные захваты крестьянами земельной собственности церковей и монастырей. 30 июля 1918 г. благочинный 5-го округа Александровского уезда Владимирской епархии священник А. Борисоглебский в рапорте в духовную консисторию сообщал об отобрании церковно-причтовой земли крестьянами с. Андреевское-Турмакино и д. Перематкино. Высказывалось предложение приходскому совету Андреевской церкви принять меры к соблюдению интересов причта и в случае невозвращения земли к возмещению церкви убытка арендной платой, сбором натурой или другим способом³⁴.

В первой половине 1918 г. представителями советской власти была проведена ревизия имущества Кинешемского Успенского женского монастыря, захвачено здание Костромской духовной консистории, земли у причта церкви с. Зосимо-Савватьевского, реквизировано 5 коров в Ипатьевском монастыре Костромской губернии.

В ответ на декрет «О земле» и по многочисленным фактам незаконного изъятия церковной собственности 16-й отдел о церковном имуществе и хозяйстве Поместного собора постановил предложить Синоду незамедлительно дать циркулярное распоряжение о том, чтобы епархиальные власти, монастырское руководство и церковные причты немедленно составили инвентарь и описание принадлежащего им имущества, для того чтобы в случае «предъявления неотразимых требований о передаче кому-либо принадлежащих им имуществ или в случае фактических самовольных

захватов были составлены особые акты о таких захватах с подробным описанием захваченных имуществ и с указанием современной их ценности»³⁵.

Организованных антисоветских выступлений духовенства в первой половине 1918 г. было немного. Священнослужители с церковной кафедры зачитывали послания патриарха и Поместного собора, организовывали массовые крестные ходы, демонстрируя тем самым свое неприятие декрета, выступали с инициативами создания организаций по защите того или иного храма, не желали впускать представителей местных органов власти в храмы для описывания церковного имущества. При этом инициаторами отдельных мероприятий выступали верующие, а не их пастыри. В феврале 1918 г. прихожане г. Костромы обратились к епископу Севастиану с предложением устроить 24 февраля общенародный крестный ход всех церквей города и окрестностей, на что епископ счел необходимым испросить разрешения гражданских властей. Многочисленные протесты привели к тому, что власти были уведомлены о будущем событии, а сообщение о готовящемся крестном ходе появилось в «Советской газете» 24 февраля. Для устройства крестного хода было принято решение об избрании особой комиссии, в которую вошли бы по 2 представителя от каждого прихода. На приходских собраниях было решено выбрать комитеты в составе 5 лиц для охраны храмов от кощунственного посягательства. При всех санкционированных местными властями попытках захвата храмового имущества было решено набатным звоном созывать прихожан. На стадии подготовки крестного хода муссировались слухи о пулеметах, находящихся в руках властей, и возможной стрельбе в народ. Но выступать с оружием в руках верующие не хотели, заявляя о готовности идти безоружными против пулеметов³⁶. Антисоветская агитация духовенства на религиозной почве и против декрета нередко имела место, но священники занимали нейтральную позицию и с призывами к свержению безбожного правительства не выступали. Газета «Утро России» отмечала религиозный подъем населения, рыдания и слезы гнева верующих. Раздавались призывы бойкотировать большевистские газеты.

Настрой властей чаще был менее миролюбивым. В октябре 1918 г. за подписью председателя исполкома Н. Пожарова вышло постановление Ярославского губернского исполнительного комитета, согласно которому уездные власти должны были беспощадно преследовать и пресекать агитацию черного и белого духовенства. Уездный и городской отделы управления обязывались принимать решительные меры по отношению к виновным, последних арестовывать, их имущество конфисковывать, а «оставшихся представителей буржуазии и кулачества брать в залог, привлекая на принудительные общественные работы и предавая суду Ревтрибунала»³⁷. Мышкинская ЧК постановила замеченных в пропаганде привлекать к ответственности, вплоть до расстрела³⁸.

На территориях, занятых белыми армиями, священнослужители оказывали поддержку идеологии белого движения. По примеру старой армии у белых сохранились духовники в воинских частях, и священники нередко принимали участие в боевых действиях. Но руководство РПЦ в лице патриарха старалось, насколько возможно, сохранять нейтралитет, не вставать на позиции ни той, ни другой стороны. Тихон предостерегал духовенство не дать вовлечь себя в Гражданскую войну, активно поддерживая какой-либо лагерь. Он отказался благословить белое движение, но и не встал на позиции лояльности к советской власти. Сложным становилось положение низшего духовенства, которое в силу пастырского долга вынуждено было удовлетворять религиозные потребности верующих, независимо от их взглядов и убеждений.

Шаткость позиций большевиков, начавшаяся Гражданская война и иностранная интервенция вынуждали власть к борьбе как с явными, так и с надуманными врагами. Принцип «кто не с нами, тот против нас» в отношении к Православной церкви воплощался на сто процентов. Создавалось впечатление, что любой расклад событий и даже сама возможность оказания духовенством сопротивления использовалась властями в качестве мотива для его нейтрализации.

В феврале 1918 г. в г. Солигаличе Костромской губернии вспыхнул мятеж, одной из причин которого стало недовольство антицерковной политикой местных властей, в частности имевшими хождение в городе слухами о намерении Совдепа снять с могил кресты и ограды и переделать их на плуги. Восставшие захватили председателя исполкома Солигаличского совета Вылузгина. Он попытался уговорить мятежников, но был убит возбужденной толпой. Тело его было изуродовано. Власть в городе перешла в руки восставших, но подошедшие воинские части Красной армии мятеж подавили и произвели аресты предполагаемых виновников. Скорый суд вынес смертные приговоры протоиерею И. Смирнову, заштатному священнику В. Ильинскому, диакону И. Касторскому, смотрителю духовных училищ И. Перебаскину и 17 жителям Солигалича. 22 февраля 1918 г. приговор был приведен в исполнение. В соборную комиссию по гонениям из Солигалича поступило сообщение, что из-за издевательств, совершенных над телами расстрелянных, не представлялось возможным опознать их. Без совершения соответствующей службы и отпевания трупы зарыли в одну могилу. Было засвидетельствовано, что духовенство города разыскивается и вынуждено скрываться, по причине чего богослужения в храмах временно не совершались³⁹.

Неприятие мероприятий экономической политики большевиков, почти полное изъятие хлеба и отчасти перегибы властей при проведении декрета об отделении церкви от государства привели к тому, что вооруженные восстания вспыхнули и в других уездах Костромской губернии: в марте 1918 г. – в г. Кологриве, в ноябре – в г. Солигаличе, в августе – в г. Варнавине, в 1919 г. – в Варнавинском и Ветлужском уездах. Власти видели виновников исключительно среди священнослужителей, считая их не только идейными вдохновителями, но и непосредственными организаторами. В условиях Гражданской войны в контрреволюционном духовенстве видели внутреннего врага, с которым нужно расправиться для достижения окончательной победы. Костромской губернский комитет РКП (б), например, принял «Положения об

отделе борьбы с контрреволюцией». Один из его пунктов гласил: «Для систематического наблюдения и планомерной борьбы отдел... делится на три отделения: 1. Армия; 2. Монархисты, духовенство и разные организации; 3. Политические партии, профессиональные союзы, национальные организации и домовые комитеты». Функции нового органа – ведение наблюдения за видными деятелями царского режима, за духовенством и всеми религиозными организациями и обществами в целях недопущения и предотвращения возможных выпадов с их стороны⁴⁰.

И все же главным вдохновителем борьбы с советской властью считался патриарх Тихон, хотя в ходе его поездки в Ярославль и Иваново-Вознесенск в 1918 г. не произошло никаких кровавых событий, эксцессов и акций протеста со стороны верующих. Арест его сыграл немалую роль в завершении работы Поместного собора и усилении репрессий против священнослужителей. Так называемая антисоветская деятельность духовенства, покушения на руководителей партии и государства, введенный в ответ на «белый» красный террор служили мотивами для репрессий, а нередко и просто расправ. В ночь 27 февраля 1918 г. были зверски убиты священник с. Торино Кологривского уезда Костромской губернии Геннадий Ширяев, его жена и прислужница. Священник Николай Бартенев был предан суду Советом депутатов г. Буя той же губернии за чтение патриаршьего послания. 20 апреля 1918 г. в г. Костроме ночью был убит весьма уважаемый в городе протоиерей Алексей Васильевич Андроников. Достигший преклонного возраста (87 лет), он вряд ли смог оказать сопротивление убийцам. Священник г. Переславля-Залесского Владимирской губернии Константин Снятиновский был убит красноармейцами. А. Лебедев, благочинный 30-го округа Судогодского уезда Владимирской губернии, под предлогом сборов на Красный Крест был ограблен человеком в солдатской форме⁴¹. В августе 1918 г. Костромской губернский военно-революционный трибунал рассмотрел дело священника Успенского, обвиняемого в агитации против советской власти. Сходное обвинение стало причиной ареста священников Татауровского и Сокольского

сел Новографской волости Галичского уезда. Письменная и устная агитация, которую им вменяли в вину, состояла в оглашении патриарших посланий и постановлений высшей церковной власти. Факты эти лишь малая часть из жалоб, телеграмм, писем в Соборную комиссию по гонениям, куда обращались и клирики, и миряне, видя бездействие или даже сочувствие властей совершенным преступлениям. Хотя имело место и прямо противоположное поведение руководства губерний и уездов. Весной 1918 г. Костромской совет рабочих и солдатских депутатов принял постановление о привлечении к судебной ответственности тех, кто допускает глумление над верой и религиозными чувствами верующих и духовенства. В Костроме местные руководители даже участвовали в общем собрании представителей церковных приходов в кафедральном соборе, где заявили о своем намерении принять все меры к охране церквей и их имуществ от кощунственных посягательств⁴². А проходивший с 5 по 10 марта IV губернский съезд Советов по вопросу отделения церкви от государства, заслушав доклад Растопчина, выработал резолюцию, в которой приветствовал политику СНК и ВЦИК, ссылаясь на то обстоятельство, что «только свободная церковь, освободившаяся от всяких пут, и свободная школа, освободившаяся от опеки церкви, помогут трудовому русскому народу выйти свободным на широкую дорогу прогресса и цивилизации. Свободная от полицейских сетей церковь сумеет привить идеал Христа к своим последователям, а свободная школа, изгнавшая из своей среды сыск и охрану, воспитает будущее поколение в духе социалистического строительства государства». Завершил текст резолюции лозунг – «Да здравствует свободная церковь»⁴³.

Единичные случаи религиозности отдельных руководителей и меры, направленные если не на защиту, то хотя бы не против Православной церкви, не создавали в церковных кругах иллюзии, что охрана и защита от посягательств не только на имущество, но и на жизнь священнослужителей со стороны властей станут реальностью. В общегосударственном масштабе набирала обороты идея «кавалерийского наскока» на религию, что позволило

бы «одним махом» уничтожить религиозные предрассудки, церковь и их влияние на человека. В этом заключались предпосылки массовых, нередко плохо подготовленных, но рассчитанных на максимальный конечный результат мероприятий по реализации декрета – кампании по ликвидации монастырей, вскрытию мощей, закрытию церквей. В ответ Поместный собор создал особую комиссию по вопросам гонений на церковь. В нее вошли архимандриты Вениамин и Матей, протоиереи П. Н. Лахостский и П. А. Миртов, а также члены Собора Г. И. Булгаков, И. И. Беликов, М. Ф. Глаголев, В. И. Зеленцов, Н. Н. Медведков и Т. Н. Нечаев⁴⁴. Комиссия разработала перечень мер реагирования на случаи гонений: печатать списки захваченных, ограбленных и оскверненных церквей и монастырей; публиковать списки священнослужителей и верующих, пострадавших от гонений; собирать статистические сведения о фактах гонений на церковь; выработать способ увековечения памяти погибших за веру и церковь; осуществлять помощь уцелевшим от репрессий со стороны властей⁴⁵.

Патриарх и Священный синод 6 марта 1918 г. выпустили постановление, предписывавшее епархиальному начальству «о всяком насилии, о всяком отдельном случае арестов, убийств, пролития крови во время религиозных манифестаций или при исполнении духовенством своих обязанностей и вообще о всех случаях насилия, имеющих отношение к церкви, ее служителям и православным христианам... учинять на местах, через особые комиссии надлежащие расследования»⁴⁶. Акты по ним препровождать в Синод для придания делам дальнейшего хода. Письма верующих с жалобами на незаконные действия местных властей по закрытию церквей, на аресты священнослужителей поступали не только в церковные, но и в государственные органы – в секретариат СНК, во ВЦИК и в Наркомюст. В отдельных случаях центральные власти отменяли решения местных. Но генеральная линия в религиозном вопросе – борьба до полного уничтожения – оставалась в силе, и жалобы с мест продолжали поступать. Только за восемь месяцев (июнь 1918 – январь 1919 гг.) в стране было убито митрополитов – 1,

архиереев – 18, священников – 102, дьяконов – 154, монахов и монахинь – 94; закрыто 94 церкви; осквернено 14 храмов и 9 часовен. Тюремному заключению по обвинениям в контрреволюционности подвергнуты 4 епископа, 198 священников, 8 архимандритов и 5 игуменов. Запрещено 18 крестных ходов, 41 церковная процессия разогнана, нарушены непристойностями богослужения в 22 городах и 96 селах⁴⁷. Всего в 1918–1920 гг. в стране были убиты 28 епископов, тысячи священников арестованы или убиты, 12 тыс. мирян заплатили жизнью за веру и защиту церковных интересов⁴⁸. К суду ревтрибунала за воззвания, содержащие призывы к контрреволюционным выступлениям, был привлечен патриарх Тихон. Он находился под домашним арестом, передвижение его даже в пределах Московской губернии ограничивалось. Письма и телеграммы в его поддержку и с просьбами об освобождении его из-под ареста поступали в СНК ежедневно.

19 апреля 1918 г. при Наркомюсте была создана специальная «ликвидационная» комиссия для проведения декрета. Вслед за ней в мае 1918 г. при губернских Советах депутатов и комиссариатах юстиции были открыты отделы проведения декрета. На местах, в том числе и в Верхнем Поволжье, их создание затянулось до конца 1918 г. Главная причина такой нерасторопности – недостаток политически грамотных, сведущих в вопросе кадров, которые могли бы возглавить и провести подобную работу. Нередкой была ситуация, когда один человек совмещал работу на нескольких постах, заведя и отделом по отделению церкви от государства, и каким-либо еще. Иногда весь отдел состоял из одного сотрудника, и отдававшего приказы, и исполнявшего их. Отделение церкви от государства тормозилось также отсутствием в начале 1918 г. четких указаний центральных властей по вопросу о том, в функции какого отдела оно должно входить. Поступление разного рода дополнительных инструкций, издаваемых из-за разницы в трактовке и принципах осуществлении декрета на местах, задерживалось. Поэтому весьма важным стало принятие 24 августа 1918 г. инструкции НКЮ «О порядке

проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви”». В ней более четко разъяснялось поле действие декрета и закреплялось положение о лишении религиозных организаций прав юридического лица. Все церковное и монастырское имущество по описи передавалось на баланс местных Советов рабочих и крестьянских депутатов, которые принимали решения о передаче во временное бесплатное пользование храмов и богослужебного имущества местным жителям, желавшим взять таковое в пользование. Не предназначенное для богослужебных целей имущество подлежало незамедлительному изъятию. Минимальное число членов для регистрации религиозного общества и дальнейшей передачи ему движимого и недвижимого имущества определялось в 20, религиозного объединения – в 50 человек. Религиозным организациям запрещалось заниматься просветительной, педагогической, благотворительной деятельностью. Проведение разного рода акций, богослужений на открытом воздухе и т. д. должно было иметь санкцию местных властей⁴⁹.

Смирившись с неизбежностью декрета, церковь надеялась на исполнение провозглашенного государством принципа обязательного участия представителей духовенства и верующих в подготовке документов, так или иначе затрагивающих ее интересы, и работе комиссий по разработке подобного рода законопроектов. С выходом инструкции Наркомюста, еще более ограничившей деятельность РПЦ, в отношении духовенства к советской власти окончательно возобладал негатив.

В течение 1918 г. дело отделения церкви от государства в Верхнем Поволжье продвигалось весьма медленно. 22 декабря 1918 г. Ярославский губернский исполнительный комитет (ГИК) поручил губотделу юстиции «провести в срочном порядке декрет об отделении церкви от государства и создать ликвидационную комиссию»⁵⁰. С момента выхода декрета прошло чуть меньше года. Уже 27 декабря Президиум ГИКа затребовал от губкомиссии при отделе юстиции отчет о проделанной с января 1918 г. в губернии работе по отделению церкви от государства. Подвижки в деле

оказались малозначительны, поэтому последовали кадровые перестановки. 11 января 1919 г. председателем ликвидационной комиссии церковно-монастырских имуществ был назначен председатель Ярославского губернского совнарсуда В. М. Державин. Сама же комиссия организована не была, что, естественно, тормозило работу. Из подотделов Углича, Мышкина и Мологи вообще не поступало никаких сведений. Для активизации деятельности в состав комиссии были введены члены губернского совета народных судей Соснин и Панков, комиссия преобразована в подотдел⁵¹.

Составленный по делу отделения церкви от государства в Ярославской губернии отчет выявил серьезные недостатки в работе: по г. Ярославлю оставалось непроверенными 80 церквей, 5 запечатанных и одна келья с имуществом митрополита Агафангела. Деньги, ценные и процентные бумаги на сумму 24 447 рублей 25 копеек оказались на руках ушедшего в отставку председателя комиссии Серова. Иконы из учреждений были изъяты, но большая их часть продана по произвольной, явно не соответствующей реальной цене. Другие в огромном количестве просто свалены в кучу в непригодных помещениях. Вина за недостатки в работе возлагалась на руководителя комиссии Серова. По уездам абсолютно никаких мер не было предпринято. Комиссия располагала сведениями о положении на местах, передаче и описи церквей. Уездные подотделы, проводя изъятие церковной собственности, собрав капиталы и деньги, оказывались на распутье и не знали, что делать дальше⁵². Однако несмотря на все плачевные обстоятельства, ликвидацию церковно-монастырских имуществ в губернии предполагалось завершить к весне 1919 г. Именно тогда руководство вновь сменилось. С 15 мая губернскую ликвидационную комиссию возглавил П. М. Леванов. На его взгляд, оценка состояния дел позволила сделать вывод, что по отделению церкви от государства по-прежнему ничего не сделано. В 20 ярославских храмах так и не был проведен учет имущества, актов о передаче имущества общинам не составлено. Леванов ссылался на нехватку работников, но ревизия губотдела юстиции установила факты преступно-халатного отношения

должностных лиц комиссии к учету и распределению ценных предметов культа⁵³.

Недостатки в работе Ярославской губернской ликвидационной комиссии фактически могли быть разделены на две группы: 1) ограничение существа вопроса учетом церквей и недвижимого имущества; 2) недостаточная информированность уездных подотделов. Оказалось, что в уездах «вся работа проводилась не так, как должна была подсказать революционная логика и как это должно было быть в силу распоряжений и указаний НКЮ»⁵⁴. В Мологском уезде на этой почве возникли беспорядки. И в середине 1919 г. свою задачу комиссия видела в разъяснении уездным подотделам правильного направления политики в отношении религии и церкви. Только к началу марта 1920 г. неправильности были устранены. Завершена не законченная ранее в Ростове, Рыбинске, Угличе, Мышкине, Данилове и Любиме систематизация материалов. Работа по отделению церкви от государства была проведена, ликвидационная комиссия прекратила свое существование. Показателем эффективности ее работы стали перечисления в доход республики по процентным бумагам – 10 585 759 рублей и наличными – 119 747 рублей⁵⁵.

18 декабря 1918 г. члены Костромского губкома по результатам обследования составили докладную записку Губернскому исполнительному комитету о состоянии дел на местах и организации политической жизни. Отмечалось, что в некоторых обследованных волостях в исполкомах оставались царские и генеральские портреты, в других – волостной исполком отсутствовал, а в Юрово-Ковернинском уезде в комитете бедноты «оказались состоящими священник, дьякон и псаломщик местного причта, церковный сторож был посыльным» при нем⁵⁶. Работа Костромского губернского подотдела по отделению церкви от государства, возглавляемого Н. Орлеанским, велась не без недостатков, но за истекший с момента принятия декрета период сделано было немало. На февраль 1919 г. штат подотдела состоял всего из трех человек. Малочисленность служащих отделов была

характерна и для уездов. Но недостаточность кадров компенсировалась активным налаживанием связей партийных и государственных органов. 23 января 1919 г. отдел об отделении церкви от государства Костромского губисполкома направил в губком запрос с просьбой «не отказать в сообщении и высылке (если таковые имеются) копии заявлений священнослужителей культов, снимающих с себя священнический наряд и вступающих в ряды коммунистической партии, а также отчеты о лекциях, митингах, собраниях и диспутах по религиозному вопросу»⁵⁷.

В отчете 28 февраля 1919 г. заведующий подотделом Н. Орлеанский отмечал, что в течение года производился учет церковного имущества и сдача его группам верующих. Упразднено 8 домовых церквей, та же участь ожидала еще 5 – в зданиях губернской тюрьмы и исправительных арестантских отделений; 40 храмов из 50 числящихся переданы группам верующих. Капиталы и процентные бумаги изъяты и в соответствии с инструкцией передавались в казначейства для отправления в соответствующие комиссариаты. Мероприятия по упразднению монастырей предполагалось закончить к 20 февраля, но и к концу месяца сведений о проделанной работе, за исключением Варнавинского юридического отдела, не поступило. Н. Орлеанский особо отметил, что представители последнего, предложив Ново-Казанской общине организовать на коммунистических началах сельскохозяйственную артель, «встали на иную точку зрения, вопреки категорического указания в специальном постановлении Революционного совета о недопущении деятельности фиктивных коммун, к чему церковь стала усиленно прибегать в целях самосохранения»⁵⁸. Анкетирование населения выявило индифферентное, а в ряде случаев настороженное отношение к направленным на реализацию декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» действиям властей. Причину Н. Орлеанский видел в неподготовленности населения, поскольку массовая пропагандистская работа из-за отсутствия работников в губернии не велась. Духовенство, по мнению автора, не проявляя открытого противодействия, безусловно, в большинстве

случаев относилось к проводимым мероприятиям враждебно и саботировало их, где возможно, «положительно не принимая ничего к созданию новой свободной церкви и наоборот стараясь сохранить все формы старого уклада отношений к верующим, а равно по поддержанию своих административных органов»⁵⁹, особенно с позиций отмены церковного и неприятия гражданского брака. На взгляд руководителя подотдела отделения церкви от государства, Епархиальный совет осуществлял ту же политику, что и прежде, устанавливая под видом добровольной складчины всевозможные сборы и обложения и навязывая группам верующих желательную ему форму организации общин, в результате чего группы верующих не только не раскрепощались и не становились свободными и самостоятельными, но находились в еще большей зависимости от церковной администрации. Автор пришел к заключению, что необходимо как можно скорее сформировать церковный орган – Синод, «...благодаря которому сельское духовенство поставлено между двух огней и если противодействует, так не благодаря религиозным настроениям, а боясь лишь административной “духовной” кары, – тем самым оно пойдет навстречу трудовому народу, представители которого, как рабочее правительство, дает ему все возможности в настоящее время встать и выйти на путь действительно чистого духовного водительства»⁶⁰.

Уже к лету 1919 г. в отчетах председателей губернских подотделов и комиссий по отделению церкви от государства Иваново-Вознесенской, Костромской и Ярославской губерний отмечалось отсутствие контрреволюционной деятельности духовенства. В сводке губчека о положении в Иваново-Вознесенской губернии в августе 1919 г. зафиксировано: «...духовенство держится своей общепринятой тактики и сидит по своим норам, как “гады” и нести какую-либо антисоветскую агитацию не решается»⁶¹. В Ярославле после «энергичных мер» Чрезвычайно активные противники советской власти попрятались, но некоторое время оставался еще скрытый саботаж, с которым также было успешно покончено⁶².

В отчете о работе 8-го ликвидационного отдела за 1920 г. причины проволочек с отделением церкви от государства в стране ставились в прямую зависимость от трудных условий Гражданской войны, когда члены ликвидационных комиссий и подотделов были отвлечены от решения своих непосредственных задач, от плохой связи с провинцией, стихийных бедствий, подъема в некоторых местах кулацких настроений и сокращения средств печатной агитации и пропаганды⁶³. Наглядным результатом своей деятельности отдел называл продвижение пролетариата и крестьянства по пути усвоения правильного миропонимания и оценки советского строительства и изживания «главнейших рабских предрассудков». В целом по стране процесс отделения церкви от государства затянулся до 1921-го и даже 1922 г., когда закрылись церковно-ликвидационные подотделы, а практическая работа по отделению церкви от государства перешла в руки отделов управления, за отделами юстиции сохранилось общее руководство и инструктирование⁶⁴.

Важнейшим мероприятием по проведению декрета стала планомерная ликвидация монастырей. Крупные земельные собственники, владельцы заводов, молочных ферм, доходных домов, гостиниц, пасек и т.д., монастыри довольно скоро обратили на себя внимание власти. В январе 1918 г. в 8-ой (ликвидационный) отдел Наркомюста поступила жалоба монахов Николо-Бабаевского монастыря Костромской губернии. Климовский волостной совет приступил к изъятию у монастыря не только недвижимого имущества – волжской пристани и гостиницы, но и движимого – рабочих лошадей и племенного скота, что, по мнению монастырского населения, было незаконно. Монастырь относился к категории заштатных, т. е. не получал денежного содержания из государственного бюджета и в имущественном отношении был сопоставим со старообрядческими монастырями, поэтому его имущество монахи не считали всенародным достоянием. Наркомюст не увидел нарушения законности в действиях Климовского волсовета, которому дано было указание сохранить монастырское хозяйство в целостности.

Монашествующим разъяснялось, что под действие декрета подпадают все монастыри без различия вероисповедания. 4 февраля 1918 г. Фоминский волостной комитет Костромской губернии направил в Галичский Паисиев монастырь бумагу с требованием предоставить опись имущества, планы земель и чертежи зданий. Жалоба настоятеля в Синод не прибавила спокойствия. В марте 1918 г. Костромской губисполком выработал инструкцию для уездных городов и волостей по мерам в отношении монастырей. Земельные угодья должны быть изъяты и переданы в запасной фонд⁶⁵. Но к учету монастырских зданий и сооружений, денежных средств и другого костромские власти приступили только в сентябре. Трудности проведения национализации монастырской собственности, ее саботирование оставшимся на местах монастырским населением и настроенным отрицательно крестьянством должностные лица связывали с архиепископом Евдокимом. Еще более эта связь подтверждалась тем обстоятельством, что с отъездом иерарха противодействие со стороны настоятелей и монашествующих прекратилось.

В целом в Костромской губернии за исключением, пожалуй, единственного случая не произошло серьезных потрясений, изменивших жизнь монастырей. По поводу кровопролития в Богоявленско-Анастасьинском монастыре архиепископ Костромской и Галичский Евгений (Бережков) обратился в Соборную комиссию по гонениям. 12 июля 1918 г. на территорию обители подпредлогом проверки из-за подозрения в сокрытии снарядов и пулеметов (по примеру Ярославского Спасского монастыря) незаконным обманным путем под покровом ночи проникли красноармейцы. Сестры подняли крик и ударили в набат. Солдаты бросились избивать кричавших прикладами. Ранения разной степени тяжести, в том числе штыковые удары в шею, получили 12 женщин⁶⁶. Ночной обыск установил безосновательность подозрений, налицо было грубое нарушение законности. Ни городские, ни губернские органы хода делу не дали, но в рапортах на имя архиепископа о деятельности монастырей в 1918 г. настоятели отмечали, что

доходы братии остались прежними – Богородицкий монастырь имел доход 10 934 руб., Авраамиев-Городецкий монастырь сдавал в аренду мельницу, получая 14 605 руб., а также проценты с капитала и прибыль от рыбной ловли в Чухломском озере, хотя число монашествующих сократилось и новых постригов не производилось⁶⁷.

С сопротивлением не только монахов, но и верующих пришлось столкнуться и ярославским властям. В июне 1918 г. угличский комиссар церковно-монастырских имуществ потребовал от игуменьи Богоявленского монастыря предоставить опись имущества и список насельниц с указанием рода занятий. Согласно решению членов совета приходской общины, организованной при монастыре, список не предоставлять, требование комиссара осталось без удовлетворения. Приехавшего для самоличной описи имущества комиссара в монастырь не допустили, а для разрешения назревающего конфликта совет приходской общины направил в Угличский исполком мирную делегацию. Переговоры прошли неудачно. Выслушивать аргументы противоположной стороны власти не стали, потребовав от монастырского руководства предоставить комиссару возможность выполнить свою работу. В случае отказа угрожали изъять у монастыря земельные угодья. Требования официальных органов вновь не были приняты. На угрозы ответили угрозой при совершении насилия над монастырским населением ударить в набат. 4 июля 1918 г. монастырь подвергся нападению, на колокольне ударили в набат. Один из проникших на монастырскую территорию красноармейцев в упор из ружья убил послушницу Варвару Кокореву, другой открыл монастырские ворота. Толпу, собравшуюся для защиты обители, разогнали выстрелами. В отчете местных властей события получили характеристику контрреволюционного сопротивления, хотя никаких насильственных действий по отношению к представителям власти, а тем более вооруженного сопротивления не было⁶⁸.

Монастыри г. Ярославля в разной степени оказались вовлеченным в левоэсеровский мятеж 6 июля 1918 г. Некоторые из них послужили опорными

пунктами восставших, складские помещения использовались для хранения оружия и боеприпасов. Монастырское население сочувствовало действиям эсеров. После подавления мятежа здания имели серьезные повреждения. Жестокому артиллерийскому обстрелу подвергся Спасский монастырь, где начался пожар, и он почти весь выгорел. Пострадала церковь Петра и Павла и колокольня церкви Николая Мокрого.

Провал мятежа привел к повальному бегству монахов из святых обителей. Ярославский губотдел по ликвидации церковных и монастырских имуществ даже сделал запрос в Наркомюст, может ли отдел самостоятельно закрывать опустевшие монастыри, переселив оставшихся монахов в один монастырь. Наркомюст дал ярославцам разъяснение, что все монастырское хозяйство и управление имуществом монастырей должно находиться в руках Совдепов⁶⁹. Но до октября 1918 г. монахи не выселялись⁷⁰. После принятия инструкции НКЮ был взят курс на полную ликвидацию монастырей.

Губернский ликвидационный отдел провел изъятие монастырских земель, передав их земельному отделу. Монастырские дома были поставлены на учет и переданы жилищному отделу. Спешным порядком проводилось изъятие денег (в начале XX в. Ярославские монастыри имели вечных вкладов более 2,5 млн рублей) и денежных документов. Около пристани Юга у г. Рыбинска монастырь был закрыт, но рядом возник скит в честь Св. Дорофея. Райисполком передал монахам 2 отремонтированных дома, в которых на жительство расположилось 16 монахов. Местные власти не чинили препятствий проведенной в сентябре – октябре реорганизации подворья Толгского мужского монастыря Рыбинского уезда. В сентябре глава Ярославской епархии митрополит Агафангел (Преображенский) обратился к патриарху Тихону от имени граждан г. Рыбинска с представлением о переводе подворья в ранг монастыря. Патриаршим указом от 22 октября учрежден Рыбинский Всехсвятский мужской монастырь. Это был единственный случай организации монастыря после декрета об отделении церкви от государства. Вскоре монастырь был закрыт, в 1919 г. его имущество национализировали.

В 1918 г. была проведена реквизиция помещений трапезной, кухни и других зданий в Успенском женском монастыре г. Александрова Владимирской губернии. Вокруг игуменьи матушки Тамары группировалось 83 монахини и 135 послушниц. Через несколько месяцев в монашеских кельях был размещен инженерный батальон Красной армии, а в 1919 г. – Александровская уездная караульная рота. Монастырские помещения были приспособлены для нужд красноармейцев и их семей. В них разместились музыкальная школа, кухня, ячейка коммунистов, курсы бухгалтеров. Последних 25 сестер вместе с настоятельницей выдворили на улицу⁷¹.

В июле 1918 г. в Рождественском монастыре г. Владимира разместились войска внутренней охраны, приписанные к губотделу ВЧК. На высказанные епархиальным советом опасения о прекращении в связи с этим богослужений в монастыре последовал публичный ответ, что Совет рабочих и крестьянских депутатов «ни на минуту не допускал даже предположения, чтобы эта мера вызвала прекращение служб в монастырских храмах... и не думал покушаться на целостность монастырской церкви»⁷². Кроме того, Совет заверял о своей готовности принять все меры к обеспечению свободного отправления религиозных обрядов. Несмотря на заявление, в августе архиерей и монахи были выселены. Губчека стала претендовать и на другие монастырские помещения. Службы в монастырских храмах прекратились. А через год с церкви сняли крест, заменив его флагом.

Лишенные собственности, имущества и прав юридического лица монастыри прекратили свое существование де-юре, но де-факто – дело обстояло иначе. Закон о социализации земли от 19 февраля 1918 г. предоставлял монастырскому населению возможность легального сохранения не только монастырского хозяйства, но и монастырского уклада путем организации и перехода на уставы сельскохозяйственных артелей и коммун. Ходатайства о регистрации таковых поступали и удовлетворялись земельными отделами в 1918–1919 гг. Руководство в коммунах принадлежало игуменам, архимандритам, казначеям, тон устава, да и состав членов был

близок монастырскому. Причины появления подобных образований состояли, во-первых, в том, что эффективность и доходность монастырских хозяйств легко могла быть утрачена после раздробления их имущества и перехода его в руки новых хозяев, поэтому национализацию образцовых монастырских хозяйств следовало проводить «путем передачи их со всем оборудованием... соответствующим организациям коммуны без разрушения их целостного хозяйственного значения»⁷³, чтобы они могли приносить доход государству. Во-вторых, освобождение без всяких дальнейших перспектив огромной массы монастырского населения могло создать еще одну, достаточно многочисленную, группу противников советской власти. В-третьих, в некоторых местностях монастыри были единственными центрами православия, их закрытие оставило бы крестьянскую массу без привычной основы жизни и быта, что могло рассорить большевиков с и без того колеблющимся крестьянством.

На базе Боголюбовского женского монастыря Макарьевского уезда Костромской губернии был создан совхоз, возглавляемый игуменьей, в распоряжении которого были 1 500 десятин земли, хозяйственные постройки, 17 лошадей, 77 голов скота и семенной фонд⁷⁴. Помимо хозяйственных дел, в распорядок дня входили молитвы, богослужения и другие религиозные действия и обряды. Коммуна под руководством настоятельницы Пелагеи Саповой была создана в Солигаличском Ратьковском женском монастыре. С 1918 г. существовала сельскохозяйственная артель в Скорбященском женском монастыре Меленковского уезда Владимирской губернии. Уездный исполком предпринял несколько попыток ликвидировать артель, но после заявлений и жалоб ее членов в Наркомюст попытки свои оставил, признав рациональность и продуктивность ведения хозяйства. Коммуны были организованы еще в пяти монастырях Переславль-Залесского и Меленковского уездов Владимирской губернии⁷⁵. Были преобразованы в трудовые земледельческие артели Владимирский и Воскресенско-Федоровский женские монастыри Иваново-Вознесенской губернии⁷⁶. Религиозный характер артелей и коммун и

отправление ими культа вызвали появление 30 октября 1919 г. циркуляра Наркомзема и Наркомюста. Народные комиссариаты предлагали губернским отделам земледелия и юстиции строго отличать объединения хозяйственные от религиозных организаций, которым следует отказывать в регистрации в качестве производственных и хозяйственных объединений и не наделять их средствами, инвентарем и землей. Членами коммун и т. д. не могли быть монахи и священнослужители, лишенные избирательных прав. Не допускалось извлечение денежных и материальных выгод из «эксплуатации религиозных чувств». Деятельность церквей разрешалась только в случае, если она не противоречила целям и задачам коллектива. В целях ограничения влияния религии на население, прежде всего крестьянское, инструкция Наркомюста и Наркомзема создавала значительные препятствия для организации и деятельности коммун и артелей, созданных на базе монастырей, но число их было довольно большим (см. прил. 1, табл. 6).

Из существовавших к началу 1918 г. в стране 1 253 монастырей к 1921 г. было национализировано 722. Хозяйственные объединения созданы на базе почти трети монастырей, преимущественно в форме совхозов. На Верхнее Поволжье приходилась шестая часть от общего количества созданных в стране коммун и совхозов. Ликвидированные монастыри передавались под школы, больницы, библиотеки, тюрьмы, жилье.

Монастырское население из занимаемых им ранее помещений было выселено. При дальнейшем трудоустройстве монахам приходилось встречаться со значительными трудностями, они не могли быть приняты на государственную службу, учительствовать и проповедовать. В некоторых случаях церковники и монахи привлекались к работе в комиссиях по охране памятников искусства и старины, ввиду исторической ценности монастырских обителей. Ярославский губисполком под влиянием левых эсеров в начале 1918 г. разослал по уездам директиву с предложением привлекать монахов на службу в отделы по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства. Но такие случаи представляли скорее исключение из общего правила. Чаще монашествующие привлекались к работам по благоустройству городов, распилке дров, разгрузке вагонов и судов и т. д. Ту же мысль проводил безымянный автор в сохранившемся в архивных фондах черновом наброске агитационной статьи «Еще не искоренилось» (1919). Находясь под впечатлением уездного города Галича, он утверждал, что население настроено враждебно к советской власти и выступает за Колчака из-за сильной агитационно-пропаганды, которую вели кулаки, попы, монахи. Он сетовал: «Не знаю, куда смотрит местный совет губернский» и предлагал: «Давно надоть было бы вымести местную такую свору, да запретить работой... в тяжелый физический труд, например по обработке полей у осиротевших семейств»⁷⁷.

Местные власти проводили учет находившихся во власти духовных лиц. В списках ответственных работников уездов Костромской губернии встречаются также сведения о привлечении к

службе в советских органах лиц, получивших духовное образование. Так, финансовый отдел в Макарьевском уисполкоме возглавлял Павел Геннадьевич Груздев, получивший образование в духовном училище и в прежнее время работавший псаломщиком; отдел государственного контроля – Михаил Константинович Новлинский, также закончивший духовное училище, но ранее занимавший должность бухгалтера. В Солигаличе должности товарища председателя городского совета, заведующего отделами квартирно-жилищного и актов гражданского состояния и народного судьи исполнял бывший штабс-капитан пехоты Дмитрий Александрович Тардов, закончивший юнкерское училище и 4 класса духовной семинарии. Кроме того, он занимался организацией суда и вопросами отделения церкви от государства в городе и уезде. Единственным уездом, где в органах власти не состояли люди с духовным образованием, оказался Варнавинский уезд⁷⁸. Постановлением СНК 1920 г. «О порядке предоставления работы служащим религиозного культа» делалось некоторое снисхождение при приеме на работу священнослужителей. Они могли претендовать на должности в госучреждениях и предприятиях в уездных и губернских городах, но не в волостях и сельской местности; в исполкомах за исключением отделов народного образования, юстиции, земледелия, управления, рабкрина и продовольствия⁷⁹.

Немногочисленные сохранившиеся монастыри постепенно приходили в упадок. В Рождественском женском монастыре г. Ростова в 1919 г. открылся госпиталь для тифозных больных и отдел здравоохранения, монастырские помещения были урезаны. Сестры занимались уходом за больными, пошивом одежды, стиркой для военных лазаретов за жалованье и паек. Традиционный монастырский уклад изменился, и настоятельница монастыря игуменья Августина отмечала сокращение количества сестер с 240 человек в 1914 г. до 162 человек в 1919 г.⁸⁰

Проволочки с назначением в 1920 г. на должность игумена Николо-Улейминского монастыря Угличского уезда Павла Чистякова после занятия его предшественником епископской кафедры в г. Любиме отрицательно сказались на делах обители. Усилилось давление со стороны властей в связи с их желанием реквизировать монастырские помещения под больницу и богадельню, трое послушников были взяты на трудовую повинность в Ярославль, подобная перспектива угрожала и монахам⁸¹. Шуйский исполком призвал около 400 монахинь Воскресенско-Федоровского монастыря Иваново-Вознесенской губернии для исполнения работ на ферме в качестве скотниц, прислуги и нянек по уходу за детьми⁸².

Печать искусно подогрела общественное мнение сообщениями о «жизни на широкую ногу» монастырского населения, которое иначе как

«тунеядцами» и «паразитами» и не именовали. Обширные помещения, занимаемые монахами, ванны, сараи, заполненные мебелью, «столь нужной рабочим», неминуемо должны были вызвать справедливый гнев народа «черными гнездами» и обеспечить его нейтралитет в окончательном уничтожении «монастырской заразы» и в вопросе полного отделения церкви от государства⁸³.

В партийном руководстве не было единства по поводу форм и методов проведения антирелигиозной политики. Наиболее «непримиримые» выступали за неослабную борьбу с церковью до полного ее уничтожения, считая, что вооруженное противостояние сторон в ходе Гражданской войны способствует достижению максимальных результатов. «Государственники» считали целесообразным провести раскол в церкви, выделить «прогрессивную» часть духовенства и предоставить ей ряд льгот для дальнейшего использования этой части духовенства в собственных целях. Те, кто видел действительные недостатки антирелигиозной работы партийных и советских органов, отмечали по-прежнему сильное влияние религии и церкви на широкие массы крестьян и рабочих, выступали за отказ от жестких методов и совершенствование антирелигиозной работы, не поставленной еще на должный уровень. Минусы в ее организации и проведении отмечались и в Верхнем Поволжье. «Известия Яргубисполкома» заостряли внимание на том, что в губернии борьба с церковью «ограничивается огульным, бездоказательным, необоснованным и поверхностным отрицанием святости церкви и ее догматов», которые не разрушены, а только отодвинуты за поле зрения и обихода⁸⁴. Для большей эффективности следовало противопоставить навыкам священников критический разбор и анализ их учения, ввести в школьный курс ознакомление с историей религии, давая молодым умам почву для размышлений и ограждая их от влияния духовенства.

Противоречия нашли отражение в решениях VIII съезда РКП (б) по религиозному вопросу. В резолюции «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне» были зафиксированы

принципы государственно-церковных отношений на прогрессивной основе декрета об отделении церкви от государства и Конституции 1918 г. Но в новой программе партии нашло отражение изменение принципиальной установки на отношение к религии. Не удовлетворяясь декретированным отделением церкви от государства, партия ставила задачу «полного разрушения связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду»⁸⁵. При постановке вопроса последний упор делался на недопущении оскорбления религиозных чувств верующих, что привело бы лишь к «закреплению религиозного фанатизма». Выступая за развертывание антирелигиозной и научной пропаганды, об этом писал В. И. Ленин: «Внося остроту в борьбу, мы можем озлобить массу; такая борьба укрепляет деление масс по принципу религии, наша же сила в единении»⁸⁶.

Удобным моментом для организации широкой научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды стала кампания по вскрытию мощей почитаемых РПЦ святых. Все проводимые в стране антицерковные кампании в значительной мере преследовали цель дискредитации православных священнослужителей. Представляя духовенство в невыгодном свете, разоблачая «поповские» обманы, показывая, как наживались священники на истинной вере, советская власть пыталась сформировать недоверие к ним со стороны населения, обеспечивая поддержку собственных начинаний. Акты вскрытий предоставили массу необходимых материалов по «одурачиванию» попами народа. Вскрытия мощей не встретили понимания и поддержки верующих, но это кампанию не остановило. Негативное отношение к кампании высказал и С. Мицкевич в письме к В. И. Ленину от 22 апреля 1919 г.: «Считаю, что ничего более нелепого и вредного для нас, как это пресловутое вскрытие, нельзя и представить. Это никого ни в чем не убеждает, распространяются легенды, что настоящие мощи прячут, а вскрывают поддельные». Параллельно возрастает и озлобление, поскольку «...это ведь,

кроме того, является нарушением принципа отделения церкви от государства», возможны и волнения. Вот почему С. Мицкевич настаивал: «...необходимо срочно дать распоряжение о прекращении повсеместно этих актов и вообще против поступков грубо нарушающих религиозные чувства населения: курение в церкви, нахождение в шапках в алтаре, это проделывают нередко примазавшиеся коммунисты, нередко пьяные»⁸⁷. В. И. Ленин написал о паническом настроении С. Мицкевича, распорядившись продолжать начатое.

С осени 1918 г. кампания приобрела массовый характер, хотя официальное постановление СНК 30 июля 1919 г. «О вскрытии мощей во Всероссийском масштабе» последовало за обсуждением на Совнаркоме вопроса «О результатах вскрытия мощей», когда подводились итоги уже частично проведенной кампании. Восьмой отдел НКЮ в вопросе о мощах придерживался принципа полной ликвидации этого «старинного, испытанного в течение веков способа гипнотизации и эксплуатации масс»⁸⁸. В зависимости от конкретных условий (состав населения, закоренелость предрассудков в силу невежества, сила и авторитетность местных организаций и т. д.) местные власти были обязаны предварить вскрытия правильно поставленной культурно-просветительной работой, широкой агитацией и пропагандой. В целях полной ликвидации мощей надо было действовать решительно и последовательно, опираясь на революционное сознание трудящихся масс и избегая нерешительности и половинчатости. Ликвидационным комиссиям предлагалось соблюдать такт по отношению к сторонникам православия, выбрать благоприятное время, когда нет большого числа молящихся, обязательно приглашать представителей всех отделов губисполкома и врачей для составления заключения. Вскрытие раков, извлечение мощей, их разоблачение от одежд поручали духовенству, представители которого обязательно должны были поставить подписи в заключительном акте. Для пущей убедительности и возможности показать

обман как можно большему числу людей рекомендовалось процесс вскрытия запечатлеть на фото- или кинокамеру.

Многочисленные вскрытия мощей почитаемых православной церковью святых произошли в феврале 1919 г. во Владимирской губернии. С 10 по 20 февраля были вскрыты мощи мученика Авраамия, князей Андрея Боголюбского, Георгия и Глеба в Успенском соборе г. Владимира, преподобного Даниила в Переславле, Петра и Февронии, князя Константина, «чад его» Михаила и Федора, матери Ирины в Муроме, епископов Иоанна и Федора, Евфимия и Ефросиньи Суздальских. Были обнаружены как сохранившиеся полностью останки предполагаемых лиц с кожными покровами, ногтями и волосами, так и матерчатые куклы, свежая вата, костяная брошка с надписью «Шура». В результате проведенной работы у всех, за немногим исключением, по свидетельству прессы, отпала вера в нетленность. Представители духовенства, задача которых «уверить в действительности несуществующего», не желали допустить вскрытий, а по окончании таковых заявили, что сами не знали правды о мощах. Управлявший епархией митрополит Сергей 20 февраля предложил Владимирскому епархиальному совету возвратить вскрытые мощи в раки и выставить их для благоговейного преклонения верующих. Предложение митрополита не встретило поддержки местных властей. После осмотра мощей в кафедральном соборе г. Владимира делегатки II Владимирской беспартийной конференции приняли резолюцию: «Мощи, называемые нетленными, есть обман, затуманивание голов трудящегося народа со стороны буржуазии»⁸⁹, убедившись в чем, они обещали бороться с религиозными предрассудками.

В феврале в «Известиях Яргубисполкома» опубликовали предложение провести вскрытия мощей ярославских святых, «произвести анализ угодников и этим открыть глаза верующим ярославцам, которые продолжают поклоняться [мощам], класть свои гроши на гробницы святителей, возможно, предугадать заранее не существующих»⁹⁰. Мероприятие по времени соотнесли с работой VI губернского съезда Советов и тщательно подготовили.

Управление милиции приняло меры к охране гражданского и революционного порядка во избежание конфликтов⁹¹. За вскрытием в Успенском соборе Спасского монастыря наблюдали 4 представителя управления. Повестку явиться для составления акта вскрытия, не дававшую возможности отказаться, получило Ярославское естественно-историческое общество.

В обследовании мощей князей Федора, Давида и Константина, князей Василия и Константина приняли участие все делегаты съезда, представители губисполкома, горюездисполкома, губкома партии, рабочих и профессиональных организаций, прессы; врачи – Соловьев, Крылов, Троицкий, Бажанов; от духовенства – епископ Корнелий, притч Успенского собора и Спасского монастыря. Предполагалось установить возраст, пол, древность мощей, состояние мумифицированных клетчаток и средства мумификации, целостность костей и их соединение. В составленном заключении врачи признались, что «производили небывалое врачебное исследование, подвергая анализу предмет, до сих пор неприкосновенный, предмет религиозного почитания многих миллионов верующих в течение многих поколений»⁹². Воспринимая совершаемое как насильственное вторжение в совесть людей, врачи ограничились лишь наружным осмотром останков и несколькими измерениями. Было установлено наличие большого количества сохранившихся останков в естественной связи и формах, без следов разложения. При этом выводы комиссии соответствовали жизнеописаниям и изображениям князей⁹³. Местные власти отметили отсутствие такого явного обмана, как в других городах. Незначительные мелкие предметы и кусочки не шли ни в какое сравнение с обнаруженными тряпичными куклами. В апреле и сентябре 1919 г. были вскрыты мощи еще восьми святых Ярославской епархии.

При Костромском губисполкоме была создана ликвидационная комиссия, которая 2 июля 1921 г. вскрыла частицы мощей в храме Скоропослушницы Свято-Троицкого монастыря. Вскрытие было проведено в присутствии верующих с. Телякова Яхнобольской волости. В крестиках, где

должны были находиться частицы святых мощей, оказались кусочки дерева и материи. Газета «Красный мир» написала, что верующие были потрясены увиденным и обратились в ГИК с просьбой о закрытии храма и превращении монастыря в сельскохозяйственную агрономическую школу для просвещения «косного и затуманенного культом края»⁹⁴.

Как и другие мероприятия антирелигиозной политики, не миновала перегибов и кампания по вскрытию мощей. 25 апреля 1920 г. в Ростове Ярославском представителями местной советской власти было произведено насильственное вскрытие мощей Исая, Игнатия, Дмитрия Ростовского, игумена Авраамия и Евфросиньи Полоцкой. Вскрытие сопровождалось «глумлениями и оскорблениями религиозного чувства верующих, курением табака на паперти Соборного храма, прикосновением к частям святых мощей руками неверующих»⁹⁵. Епископ Ростовский Иосиф в рапорте митрополиту Агафангелу отметил правонарушения, совершенные властями. К ним епископ отнес искусственное принятие решения о вскрытии через Уездный съезд советов, отказ выслушать мнение верующих. Иосиф расценил эти действия как вмешательство во внутрицерковные дела и нарушение декрета. О вскрытии не предупредили, представители от духовенства и верующих назначены не были.

Кампания велась властями планомерно, со ссылкой во многих случаях на пожелания трудящихся вскрыть вековой обман. Сопротивлений ни в Ярославской, ни во Владимирской губерниях не отмечалось. Не прозвучали громкие скандалы, злостные обманы, связанные с мощами Костромских святых. В неприкосновенности, вплоть до 1929 г., оставались мощи Иакова Железоборовского. Стараясь уберечь от кощунственных прикосновений нетленные мощи, духовенство принимало на себя вскрытие раки и прикосновение к останкам святых. Губисполкомам предлагалось после того, как в вековом обмане убедится достаточно большое число людей, открытые раки со всем содержимым передавать в местные музеи⁹⁶.

Осуществив по стране более 60 вскрытий нетленных мощей почитаемых РПЦ святых, власть грубо нарушила один из главных принципов декрета об отделении церкви от государства, вторгнувшись в область канона и отказывая в праве на существование признанному и освященному церковью культу почитания мощей.

Несмотря на заданную VIII съездом партии установку на расширение научно-просветительной агитации и пропаганды, сохранялось отношение к церкви как к классовому врагу, требующему полного уничтожения. Работа в этой области велась по двум направлениям: во-первых, публичные выступления, организуемые отделами отделения церкви от государства и агитпропотделами и, во-вторых, издательская деятельность.

В силу многочисленных обстоятельств в постановке антирелигиозной работы имели место проблемы и неудачи. Так, число лекций, митингов и диспутов, проведенных к 1 декабря 1920 г. по Ярославлю, Рыбинску и Костроме, было незначительным. Единственный митинг, состоявшийся в Ярославле, прошел, правда, при довольно большом стечении народа – около 1 800 человек. В Рыбинске было организовано 7 агитационно-пропагандистских мероприятий, в которых приняло участие 4 800 человек, в Костроме – 2 с участием 9 600 слушателей⁹⁷. Из-за малого количества мероприятий население уездов, преимущественно крестьянское, в антирелигиозную работу практически не включалось. Для разоблачения шарлатанства и надувательства духовенства проводились «вечера чудес», на которых наглядно демонстрировалось обновление икон, слезы святых, потемнение Божественных ликов. Но и их число было сравнительно небольшим.

Более успешно была поставлена издательская деятельность. Выходил журнал «Революция и церковь», позже – его преемники газеты «Безбожник» и «Атеист», журналы «Воинствующий атеизм», «Безбожник», «Антирелигиозник». В местной печати были открыты специальные рубрики: «Попы и народ», «Религия и жизнь» и др. В них в едкой, карикатурной форме

изображались представители духовенства, подверженные обычным человеческим порокам – жадности, стяжательству, пьянству, наущничеству. Цель публикации подобных материалов очевидна – разрушить доверие масс к лживому и алчному духовенству, показать истинное лицо так называемых служителей Божьих, лишив церковь ее опоры в многомиллионной массе российского пролетариата и крестьянства. Той же цели и распространению научных знаний служила серия публикаций под заголовком «Божественные загадки», авторство которых на страницах «Красного мира» принадлежало П. Бляхину⁹⁸.

Многотысячными тиражами выходили сочинения П. Красикова, А. Луначарского, В. Бонч-Бруевича, Ем. Ярославского и др. по истории религиозных верований, по вопросу отделения церкви от государства. Переиздавались сочинения иностранных историков и философов А. Бабеля, Д. Робертсона и др., в которых критически оценивалась библейская история, пристально анализировалось содержание евангельских мифов. Публикуемые материалы и издаваемые книги должны были восполнить пробелы в антирелигиозной пропаганде. Написанные просто и доступно, они служили готовым агитационно-пропагандистским материалом и рекомендовались для обязательного наличия в избах-читальнях, совпартшколах, рабочих клубах и библиотеках. Чаще других форм антирелигиозной пропаганды встречались громкие читки газет, журналов и книг, лекции и беседы, тематика которых составлялась таким образом, чтобы к участию в них была привлечена сельская интеллигенция – врачи, учителя, агрономы, а содержание бесед носило научный характер. Ответственные за антирелигиозную работу местные органы власти рекомендовали в антирелигиозной работе избегать оскорбления религиозных чувств, строить обсуждение вопросов корректно и грамотно, приближать содержание материалов к повседневной жизни и практике, способствуя распространению научных знаний и более передовых методов хозяйствования, «свободных» от участия высших сил. Но, несмотря на это,

грубые нападки в адрес православной церкви и духовенства, оскорбительные действия имели место.

Не была окончательно изжита религиозность и в партийной среде. ЦК выдвигал против членов партии обвинение в содействии укреплению религиозных предрассудков путем публичного исполнения религиозных обрядов. Так, представители Костромского губисполкома не противодействовали проведению в соответствии с христианским каноническим похорон красноармейца Богданова. Письмо председателю Костромского ГИКа Козлову с благодарностью за сочувствие горю отца, чей сын погиб при исполнении служебного долга в июле 1919 г., направил житель Петрограда А. И. Богданов. Андрей Иванович писал: «Я сильно потрясен неожиданной смертью единственного моего сына, одно утешает, что похоронен он по православному обряду, за что, конечно, я должен благодарить Вас и ваших сослуживцев»⁹⁹. Архивные документы не содержат никаких ссылок на взыскания, наложенные на Козлова в связи с его противоречащими общему направлению антицерковной политики действиями.

В начале 1920-х гг. случаи исполнения членами партии и ответственными работниками религиозных обрядов стали наказываться более сурово. 29 февраля 1920 г. Костромской губком рассмотрел вопрос об исключении А. Платова из Галичской организации за нарушение партийного устава – венчание в церкви. Рассмотрев обстоятельства дела и выявив дополнительно факт дезертирства, губком утвердил постановление уездного партийного комитета об исключении за нарушение партийной дисциплины хождением в церковь и венчанием¹⁰⁰. По религиозным убеждениям из членов Костромской городской партийной организации был исключен Василий Иванович Коробовкин¹⁰¹. Соответствующее решение 12 апреля 1920 г. принял секретариат Костромского губкома. Большое стечение зевак вызвало венчание 31 октября 1920 г. помощника начальника Костромской уездной милиции Полетаева. Используя служебное положение, для въезда в церковь и разъездов вместе с батюшкой он использовал принадлежащие милиции пару лошадей и

сани¹⁰². Случай вызвал много толков и саркастических насмешек, но за исключением внушения сурового наказания не последовало. Это лишь несколько примеров. Но факты соблюдения коммунистами религиозных обрядов были столь многочисленны, а проблема распространенности религиозных верований в партийных рядах стояла так остро, что эти вопросы были вынесены на обсуждение пленума Костромского губкома в мае 1921 г. В стенограмме его заседаний нашла отражение важность и значимость постановки вопроса «О религии, об агитации среди беспартийных и об отношении к религиозным предрассудкам партийных товарищей». С докладом выступал П. Бляхин. Он внес коррективы в формулировку проблемы: «Об отношении партии к религиозным предрассудкам широких трудящихся масс и об отношении организации к таковым же среди коммунистов». Заявив: «Мы в бога не веруем и членам пленума нечего толковать о вреде церкви», докладчик определил четыре составляющие вопроса: религиозность крестьянских масс; «свободная церковь», антирелигиозная пропаганда и верующие коммунисты.

Требовалось установить некоторые вехи, чтобы уяснить, как строить антирелигиозную пропаганду среди широких крестьянских масс. По самому характеру работы крестьянство должно быть заражено религиозными предрассудками. Главное же, что принуждает настойчиво вести антирелигиозную пропаганду – «враждебность» христианской религии коммунизму. «Церковь и религия, особенно в эпоху последних столетий, стоит на страже интересов господствующих классов... Учение христианства противоположно коммунизму и противоположно всякой научной мысли», – утверждал П. Бляхин¹⁰³. X съезд РКП (б) определил направление на борьбу с религией, но ограничился только общими соображениями, которые и следовало дорабатывать.

Ошибки в постановке антирелигиозной пропаганды давали противоположные результаты, а именно укрепление фанатизма и распространение мнения о гонениях на веру. Стоило использовать

проверенные формы работы – диспуты, митинги и политические суды. Последние довольно опасны и требовали максимальной сдержанности и собранности.

Довольно насмешливо и совсем несерьезно воспринимал П. Бляхин «новую церковь»: «Мы прослышали, что сейчас возникает в кое-каких городах новая свободная церковь и некоторые коммунисты указывают на нее как на некий великолепный пример, что она освобождает от религиозных предрассудков. А я утверждаю, что эта свободная церковь гораздо более опасное явление, чем старая православная церковь... Она настолько забита самыми нелепыми противоречиями... что доказать нелепость и дикость не представляет никаких затруднений и борьба с нею гораздо легче»¹⁰⁴. Большую опасность представляло приспособление «старой церкви» к новым условиям жизни – к революции, коммунизму, советской власти: это «отводит глаза, и темные крестьянские массы идут по этому новому руслу, опять-таки объятые этими религиозными предрассудками». Христос представляется в некоем «революционном свете» и приобретает другой характер. Оратор заявлял, что «самый свирепый наш враг – Христос, и когда мы будем вести пропаганду против Евангелия, именно в этом направлении встретим наибольшее сопротивление»¹⁰⁴.

В отношении верующих коммунистов предложение докладчика одно – исключать их из партии для сохранения ее единства. Но он высказывал опасение, что массовые исключения на почве выполнения религиозных обрядов могли спровоцировать искусственный отток коммунистов из партийных рядов. П. Бляхин предлагал проявлять терпимость и постепенно перевоспитывать сомневающихся; в отношении новых членов жестко ставить условие отказа от религии; доступ верующих христиан в партию следовало прекратить.

Приводились примеры крещения детей и посещения коммунистами церкви. Ответственность за это в большей степени возлагалась на женщин. Много проблем вызывал вопрос «свадебных комитетов». «Возьмем Буй,

Макарьев, Солигалич, согласится ли там хоть одна женщина пойти, не венчавшись, за коммуниста», – задает вопрос П. Бляхин. Член партии вынужден спрашивать, можно ли венчаться, и, если говорят «нет», он кладет на стол заявление о выходе из партии¹⁰⁵. П. Бляхин настаивал, что и женщина, и мужчина отвечают за себя. Если жена не коммунистка, то жесткие требования к ней предъявлять невозможно и дела до нее нет. Крещение ребенка – достаточный мотив для исключения из партии. Признавая возможное религиозное воспитание ребенка в семье, он подчеркивал, что государство через систему детских садов, школ и детских домов реализует принцип атеистического воспитания¹⁰⁶.

Мнение о религиозности крестьян высказал Жолобов: «Сейчас мы не так еще можем бороться с оппонентами, выступающими за религию, а с другой стороны, с убеждениями самого крестьянства. До сих пор в Буйском уезде население просит уисполком принять меры, чтобы построить церковь. В одном месте построена часовня вместо мельницы. Крестьянство мало обращает внимания на агитацию»¹⁰⁷.

В полемике Михайловская высказала соображение, что все религии строились по-разному, а в исламе и буддизме есть вещи, полезные для здоровья. Поэтому, на ее взгляд, вести борьбу нужно не сразу со всеми религиями, а только с той, которая «вносит больше всего грязи в нашу жизнь». Этот тезис она обосновывала представлениями о том, что «крестьянство» [христианство] разрушило греческую и римскую культуру. В Римской империи закрывались бани, поэтому христианские коммуны были грязны и по образу жизни не отличались от дикарей. Апостол Павел утверждал рабство¹⁰⁸.

С подачи П. Бляхина была принята резолюция: «Или с церковью против советской власти и коммунизма, или с коммунизмом против церкви: среднего решения быть не может». Пленум постановил в отношении всех вновь вступающих в партийные ряды членов и кандидатов в ряде других условий предъявлять требование о предварительном и полном разрыве с какой бы то ни было церковью и религиозными убеждениями. Все действительные члены

и кандидаты, в особенности занимающие ответственные и руководящие посты, под угрозой исключения должны были немедленно порвать с церковью. Но, учитывая, что значительная часть рядовых искренних коммунистов происходила из среды рабочих и крестьян, следовало предоставить им возможность освободиться от религиозных предрассудков внутри партии. Пленум постановил потребовать от них «только разрыва всяких официальных сношений с церковью и духовенством и выхода из общин верующих, не требуя в то же время немедленного отказа от религиозных убеждений»¹⁰⁹. В отношении бытовой сферы пленум указывал на недопустимость крещения детей, если оба родителя коммунисты. Если коммунист только один из родителей, то должно последовать его исключение из партии. Церковные браки недопустимы. Компромиссы в решении столь важной проблемы нежелательны, но возможны с ведома и согласия партийного комитета и только в отношении рядовых членов организации из среды крестьян и рабочих.

За период с августа по октябрь 1921 г. из Костромской губернской партийной организации были исключены 322 человека из них 18 (около 5,5% от общего числа) по религиозным убеждениям. В некоторых случаях причина исключения формулировалась чуть шире: «спекуляция и религиозные убеждения», «взяточничество и религиозные убеждения», «пьянство и религиозные убеждения». Большинство исключенных пришлось на Костромской уезд – 10 человек, по 2 – на общегородскую по г. Костроме организацию, Варнавинский и Макарьевский уезды, по 1 – на Ветлужский и Ковернинский уезды¹¹⁰.

Численный рост партии за счет привлечения в ее ряды широких масс крестьянства и рабочего класса усугубил остроту вопроса. В. И. Ленин настаивал на исключении из партии тех, кто не изжил в себе религиозных взглядов, что несколько приостановило численный рост партии в деревне. Имевшие место случаи сознательного выхода из партии по религиозным убеждениям вызвали беспокойство Костромского и Иваново-Вознесенского

губкомов¹¹¹. Стремясь остановить этот процесс и не решаясь вводить строгие санкции против верующих членов, ЦК запретил прием в партийные ряды, даже в кандидаты «сознательных» интеллигентов и лиц, выполняющих обязанности священнослужителей любого из культов¹¹². От членов партии, исполняющих священнические обязанности, требовали прекращения связи с церковью, в противном случае угрожая исключением.

Со временем менялась тактика и стратегия высшего церковного руководства. По мере укрепления большевистской власти и превращения партии в мощную силу, практически управлявшую страной, духовенство отказывалось от борьбы, настаивая на неукоснительном и точном соблюдении властями декрета об отделении церкви от государства. Ходатайства о его изменении и придании религиозным организациям прав юридического лица продолжали поступать в 8-й отдел НКЮ, но расценивались как претензия на создание государства в государстве и оставались без ответа. 8 октября 1919 г. патриарх в «Послании православному клиру и мирянам» заявил о необоснованности выдвинутых против РПЦ обвинений в контрреволюционности, поскольку установление формы правления дело не церкви, а народа. Отказываясь связать церковь с каким-либо образом правления, патриарх Тихон заявлял о прекращении борьбы с большевиками и советовал духовенству «уклоняться от участия в политических партиях и выступлениях, не подавать поводов, оправдывающих подозрительность советской власти»¹¹³, подчиняться ее распоряжениям, если они не противоречат вере и благочестию. Высшие церковные иерархи становились на позиции признания новой власти, отстаивая при этом самостоятельность РПЦ, закрепленную декретом. Остроты борьбы государства с церковью патриаршее послание не сняло. Партийное большинство считало, что, признавая, но не поддерживая красных, церковь тайно остается на стороне белых.

Менее требовательны стали священнослужители и в вопросе перехода церковного имущества в руки Советов. 18 июня 1920 г. Рыбинский епископ Василий обратился к митрополиту Агафангелу с просьбой ходатайствовать о

возврате здания или хотя бы имущества закрытой Александро-Невской тюремной церкви¹¹⁴. Священнослужители не нагнетали обстановку и по фактам глумления над религиозными чувствами, сообщая о них главам епархий, но не властям. 1 мая 1920 г. во время субботника были сняты кресты и купола с Петропавловского храма при бывшем кадетском корпусе г. Ярославля. Вместо крестов были размещены знамена и вывеска «Рабочий клуб 3-го Закоторосльского района в память всероссийского субботника 1 Мая». Повреждений храму, иконостасу, ризнице и утвари нанесено не было, но документов на совершение подобных действий у «вожаков толпы» не имелось, о чем сообщил митрополиту Агафангелу благочинный 4-го округа церковей г. Ярославля Николай Розов¹¹⁵.

Среди священнослужителей появились ярые сторонники власти Советов. Группа духовных лиц Ярославля обратилась с письмом к В. И. Ленину, в котором содержалась просьба издать декрет о раскрепощении духовенства, за что они обещали служить верой и правдой советской власти¹¹⁶. Ярославские партийные и государственные органы письмо оценили, но сочли, что дело освобождения духовенства должно быть делом самого духовенства, примером чему мог послужить тот факт, что за 1920 г. 6 священнослужителей, сомневаясь в истинности учения православной церкви, «порвали путы и оковы» и сняли с себя сан¹¹⁷.

Центральные власти делали ставку на раскол православной церкви изнутри и взгляды «прогрессивного» духовенства брали на вооружение. Попытки раскола начали предприниматься с 1918 г. Для этого были созданы «Исполнительный комитет духовенства» в Москве, «Народная церковь» в Пензе и «илиодоровщина» в Царицыне. Первые попытки оказались неудачны. В письме от 4 декабря 1920 г. Ф. Э. Дзержинскому заведующий секретным отделом ВЧК Т. П. Самсонов отмечал, что «линия, принятая ВЧК по разрушению религии, с практической стороны в принципе верна, за исключением вопроса о возможности разложения религии из центра, через лиц, занимающих высшие посты церковной иерархии»¹¹⁸. Имеющийся опыт

потерпел фиаско, поскольку «Исполкомдух» принял ложное направление и стал приспособлять православную церковь к новым условиям и времени, за что был разгромлен, священнослужители не смогли широко развернуть работу и нанести церкви сокрушительный удар. Самсонов считал, что ставка должна быть сделана на радикальных попов, прогрессивно и революционно настроенных к перестройке церкви и более близких верующей массе, до которой им и следовало донести партийную линию в религиозном вопросе.

Высшие церковные учреждения, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, анализировали различные перспективы отношений с государством и пытались хотя бы отчасти нейтрализовать возможные неблагоприятные последствия. Была образована особая комиссия, которую возглавил митрополит Тифлисский Кирилл. В ее состав вошли архиепископ Приморский Евсевий, протопресвитер П. А. Любимов, архимандрит Алексей и А. Г. Кулешев. Комиссия признала своевременной постановку вопроса об увеличении численности епископата ввиду необходимости приспособления деятельности епископов к новым условиям. 28 марта 1919 г. член Высшего церковного совета А. Г. Кулешев представил на рассмотрение Святейшего Патриарха и соединенного присутствия Священного синода и ВЦС составленный членами комиссии доклад об умножении числа епископов в русской церкви и о необходимости изменения характера их деятельности. В нем А. Г. Кулешев отметил, что спустя год со времени принятия соборного определения силы Преосвященных викариев совершенно не использовались для церковного дела, поэтому «представлялось бы благовременным напомнить епархиальным Преосвященным о необходимости призвать к активной работе существующих при них викарных епископов, поселив их на жительство в тех местах епархии, где чувствуется особая нужда в архиерейском попечении с поручением их ведению всех дел»¹¹⁹. Дореволюционная церковно-гражданская жизнь выдвигала запрос на административно-канцелярскую работу епископов, которая наносила значительный ущерб остальным сторонам, вследствие чего «едва ли не

безнадёжно погибло в море чернильных резолюций не только духовничество архиереев по отношению к мирянам, но и руководство этим великим делом по отношению к пастырям»¹²⁰. Эта удаленность и даже отчужденность епископов от жизни отодвинула от них и паству и возможность творческого на нее влияния. Реалии первых лет советской власти требовали осуществления епископами всех сторон их служения – непосредственного устройства и руководства церковной жизнью, ее охраны от всяких вредоносных влияний. О них А. Г. Кулешев писал следующим образом: «Народ переживает страшно сложную духовную драму. Он переживает ее болезненно с духом сомнения, колебания, осуждения. В этом сложном процессе рядовые пастыри разобраться одни не в силах. Они ждут указаний, новых путей, определенного направления, томительно ищут здоровых и верных предначертаний и средств»¹²¹. По мнению автора, под влиянием революции многие миряне стали считать себя единственно правомочными творцами жизни. Это было знамение времени, переносимое из политического мира в духовную сферу. Складывалось новое направление, перед угрозой разрушения требующее к себе бережного отношения, «душа народная затосковала о Боге». Эту народную тоску умелой рукою следовало направить в нужное русло, а сделать это мог бы епископ, или точнее Собор епископов. Следовательно, «умножение» числа епископов позволило бы преодолеть все негативные последствия. Присутствие Синода и Высшего церковного совета постановило признать соображения о необходимости приспособления деятельности епископов к условиям переживаемого времени и намеченные мероприятия правильными. Но, не надеясь на благоприятный исход этих начинаний, в ноябре особым постановлением установили: в случае прекращения деятельности Священного синода и Высшего церковного совета решение всех дел и указания по службе епархиальным архиереям должны перейти к патриарху. Концентрация власти в его руках имела значение и в том смысле, что придавала единство всей церковной организации.

Несмотря на многочисленные препятствия, удавалось сохранять церковные структуры. В Костроме, Ярославле и Владимире продолжали существовать епархиальные советы – постоянные административно-исполнительные учреждения, содействующие архиепископу в управлении епархией. 5 марта 1919 г. Костромской губотдел юстиции за подписью заведующего отдела Сухова и заведующего подотдела по отделению церкви от государства Орлеанского направил в губком РКП (б) письмо с просьбой командировать своего представителя на совещание по вопросу передачи и приема дел от бывшего епархиального совета и дальнейшей работы духовных органов власти, запланированное на 8 марта в здании суда. В соответствии с законодательством их деятельность была заключена в довольно узкие рамки, заседания могли проходить только после предоставления местным органам власти перечня вопросов, выносимых на обсуждение, и выдачи ими разрешения на проведение заседаний. Деятельность также подвергалась пристальному вниманию, и некоторые мероприятия могли быть запрещены как превышающие оговоренные законом установки, а принятым решениям не давался дальнейший ход.

До 1920 г. организационно сильный Ярославский епархиальный совет созывал съезды из представителей духовенства и мирян для обсуждения вопросов внутрицерковной жизни, весьма актуальных в условиях гонений на РПЦ. На обсуждение июньского съезда уездные отделения вынесли проблемы материального обеспечения духовенства (возникшие в результате национализации церковного имущества, в том числе земли), освобождения священнослужителей от трудовой повинности, сближения епископов с верующими, отобрания церковных денег при ревизиях, проводимых представителями уездных исполкомов, открытия пастырских курсов и др.¹²² Съезд принял решение ходатайствовать перед Яргубисполкомом о возвращении бывших церковных домов общинам для жилья причта, но по причине острого жилищного кризиса получил отрицательный ответ. Невозможным признавалось издание епархиального печатного органа и

публикация протоколов съезда из-за перегруженности типографий и ограниченности запасов бумаги. На решения об организации кассы взаимопомощи и организации преподавания религии не только в храмах отклика властей не последовало¹²³.

Епархиальные советы и религиозные объединения, принявшие в пользование церковные здания, свою деятельность старались вписать строго в рамки закона. Поняв бесполезность сопротивления, руководство заранее уведомляло отделы управления о подготовке, проведении и повестке дня собраний и съездов приходских общин и религиозных обществ. Отделы управления давали санкцию на их проведение, утверждали повестку дня и направляли своих представителей для контроля за соответствием происходящего разрешенному властями¹²⁴. На пользование богослужебным имуществом составлялись соглашения-договоры (см. приложение), все расходы по использованию храмов, износу, ремонту, приобретению дополнительно необходимых предметов и материалов, найму священнослужителей и др. религиозные объединения принимали на себя. В случаях, когда решения и действия местных властей расходились с положениями декрета об отделении церкви от государства, по поводу нарушений для защиты собственных прав и интересов религиозные объединения обращались в вышестоящие инстанции.

В феврале 1920 г. в СНК поступили жалобы прихожан Крестовоздвиженской и Богословской церквей о решении горсовета явочным порядком закрыть в Костроме пять церквей, хотя ранее Совнарком потребовал от местных властей действовать в рамках законности¹²⁵. Церковь настаивала на точном следовании букве закона гораздо больше, чем органы, в чьи обязанности входило исполнение закона.

В том же году во Владимирский губисполком с прошением оставить в пользовании верующих Рождественский собор обратилась группа из 88 человек. Тон прошения был буквально умоляющий: «Мы просим – оставьте этот храм нам, обывателям г. Владимира, оставьте его нам для молитвы в вере,

надежде и любви... Ведь многие, многие из нас, – не пойдут отдохнуть душой ни в кинематограф, ни в театры, ни на гулянья – в этом для многих из нас отпала потребность, но все мы хотим посещать храм этот – наш и предков наших храм. Мы предлагаем наши услуги в подыскании помещения, удовлетворившего бы той потребности, ради которой прекращается богослужение в Богородице-Рождественском храме... мы верим, что запросы духовной жизни нашей не оставлены будут без уважения»¹²⁶.

Храмы Рождественского монастыря были поставлены под угрозу закрытия из-за соседства с батальоном войск НКВД. Постепенно по мере роста его нужд и потребностей церкви теряли свое религиозное предназначение. Последнее здание, где еще совершались службы, было закрыто в августе 1920 г. В направленном в губисполком секретном письме командир батальона объяснял этот шаг желательностью иметь под рукой весь батальон, а не его часть. Кроме того, церковные помещения могли быть использованы в целях шпионажа и контрреволюции. Пожелания верующих снова были оставлены без внимания. Храмовое имущество частично переходило в пользование других религиозных общин, а нередко складировалось и просто сваливалось в беспорядке в ризницах и других помещениях, покрываясь пылью и приходя в полную негодность. Заведующий Владимирским губмузеем А. И. Иванов не раз обращал внимание губоно на этот факт и предлагал использовать лежащее мертвым грузом имущество. По его мнению, с помощью служителей церкви предстояло отобрать и классифицировать хранящиеся предметы, а затем выставить на продажу книги, бархатные, парчовые и шелковые облачения, другие предметы церковной утвари. Не встретив понимания, Иванов решил действовать самочинно и продал из Успенского собора книги и церковный хлам по цене 14 копеек золотом за пуд¹²⁷. Не понеся наказания, в дальнейшем Иванов все же воздерживался от подобных шагов, но на более рациональном использовании изъятого имущества настаивал.

В 1920 г. в соответствии с циркуляром НКЮ «О ликвидации епархиальных советов», где раньше, где позже епархиальные советы были

упразднены. Мотивы закрытия приводились разные. Костромской епархиальный совет прекратил свое существование за «незаконную и дезорганизаторскую деятельность, идущую вразрез с советскими законоположениями»¹²⁸. На его место встала архиерейская канцелярия, но рамки ее деятельности были еще более сужены. Дела о бракоразводных процессах, которые она вела, дублировались загсом, поэтому 3 июля 1920 г. губисполком принял решение о прекращении деятельности архиерейской канцелярии.

Таким образом, к началу 1920-х гг. принцип отделения церкви от государства был реализован. Специфические условия Гражданской войны наложили отпечаток на отношение новой власти к церкви как к классовому врагу, борьба с которым составляла одно из условий конечной победы. Верхневолжские власти восприняли позицию центра, но иначе смотрели на возможность участия священнослужителей в работе некоторых губернских и уездных комиссий и отделов, непосредственно вовлеченных во взаимодействие с РПЦ по вопросу отделения церкви от государства. По крайней мере на словах владимирские, костромские и ярославские органы власти стремились соблюдать законность, не допускать оскорбления чувств верующих. На практике в интересах более быстрого проведения декрета допускались серьезные перегибы – необоснованные аресты, расстрелы и длительные сроки заключения лиц духовного звания, насильственные действия по отношению к верующим, защищавшим церковные интересы. В достаточно большой степени на руку большевикам сыграла и непримиримая в отношении декрета позиция духовенства и верующих, проявившаяся в их сопротивлении в Костроме, Кологриве, Ярославле, Угличе, Суздале, Владимире и других городах отдельным мероприятиям по изъятию церковного и монастырского имущества, в противодействии репрессивным мерам, в участии клира и мирян в антисоветских выступлениях и мятежах.

Процесс отделения церкви от государства затянулся на местах до 1921–1922 гг. в связи с отвлечением внимания властей на более важные события и

явления, с отсутствием квалифицированных, разбирающихся в сути вопроса кадров, слабостью материально-технической базы и достаточно сильным влиянием религии. Крестьянское население верхневолжских губерний традиционно имело глубокие религиозные корни и было подвержено влиянию духовенства, особенно женщины, составлявшие большинство среди рабочих текстильных фабрик Верхнего Поволжья.

В государственную политику в религиозном вопросе вносилась партийная идеология, что стало одним из факторов ее ужесточения. В условиях Гражданской войны возобладал принцип «кавалерийского наскока» на религию. Не считая религиозные верования идущими от чувств и сердца, партийное большинство насильственными методами боролось с религией. Разрушением экономической основы РПЦ стало лишение ее прав собственности и национализация церковного имущества. К осени 1920 г., согласно отчету 8-го отдела НКЮ, было изъято 7 150 млн рублей, 828 тыс. десятин монастырской земли, 1 112 доходных домов и т. д.¹²⁹ Репрессивные меры привели к устранению от управления епархиями большинства архиереев, упразднению церковно-представительных органов при архиепископах, нарушению связей высшего церковного руководства и епархий. Сопrotивление проводимым мероприятиям со стороны верующих и духовенства не изменяли общего направления. Вопреки декрету об отделении церкви от государства, власть грубо вторгалась и во внутрицерковные дела. Но вину за ухудшение государственно-церковных отношений нельзя взваливать только на одну сторону. РПЦ не использовала пусть малых, но имевшихся возможностей для диалога, анафемствование большевиков, призывы к неподчинению властям, укрывательство церковного имущества носили ответный характер. Преследуя одинаковую цель – превратить Россию в могущественную, процветающую, сильную страну, стороны не нашли точек соприкосновения, пытаясь сохранить за собой или завоевать для себя право господствовать над умами и руководить массами.